

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

№10 (148)

2020

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»

Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775

E-mail: info@law-journal.ru

Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 30.11.2020

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 7.56

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Ханселяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Никитин А.А. Предпосылки выделения усмотрения органов контроля и надзора в качестве особой разновидности правовой дискреции	7
Орлов М.А. Трансформация нормативизма: как автоматизация повлияет на развитие теории права	12
Шобей Л.Г., Чернова П.А. Переписка в мессенджере как доказательство в гражданском судопроизводстве	17
Ануркин Н. М., Лошкарев А. В. Состояние на сегодняшний день, проблемы и перспективы развития инфраструктуры «умной медицины» в цифровой экономике	21
Щукина Т.В. Формы государственного надзора и контроля в социально-экономической сфере	24

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Князева Н.В., Павлова К.С. Практические аспекты финансово-экономической экспертизы установления тарифов на обслуживание имущества общего пользования в коттеджных поселках	33
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Климова И.А. Упрощение процедур торговли в условиях пандемии COVID-2019	49
--	----

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	55
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 340.132

DOI: 10.14451/2.148.7

ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫДЕЛЕНИЯ УСМОТРЕНИЯ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В КАЧЕСТВЕ ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВОВОЙ ДИСКРЕЦИИ

© 2020 **Никитин Александр Александрович**

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов
E-mail: alexnik-82@mail.ru

В статье рассматривается содержание и специфика контрольной и надзорной деятельности, обуславливающие особенности правового усмотрения субъектов, осуществляющих данные виды деятельности. Делается вывод, что особенности государственной проверочной деятельности в сравнении с другими видами правоприменительной деятельности предполагают необходимость отдельного исследования дискреции органов контроля и надзора, как особой разновидности правового усмотрения.

Ключевые слова: проверочная деятельность, контроль, надзор, правоприменительное усмотрение, вид правовой дискреции.

В исследовании правоприменительного усмотрения отдельное внимание следует уделить изучению усмотрения органов контроля и надзора, действующих в государстве. Необходимость специального исследования именно этой сферы реализации правоприменительного усмотрения обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, важностью самой проверочной (контрольной, надзорной) деятельности. С одной стороны, такая деятельность является необходимым элементом руководства и управления, которые пронизывают не только всю работу государственных органов и органов местного самоуправления, но и всю деятельность коммерческих и некоммерческих организаций всех форм собственности и любых организационно-правовых форм. С другой стороны, контроль и надзор имеют самостоятельное значение как важнейшее направление деятельности специальных государственных и муниципальных органов и их должностных лиц.

Во-вторых, многочисленностью органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять контрольную и надзорную деятельность. Так, в системе органов исполнительной власти функциями по контролю и надзору в общем порядке наделены все федеральные службы, а в случаях, определенных указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, также федеральные министерства и федеральные агентства. На 2018 г. в Российской Федерации в сумме насчитывалось более 200 видов государ-

ственного контроля (надзора), осуществляемого федеральными органами исполнительной власти и региональными органами государственной власти, а также муниципального контроля [1].

Кроме органов исполнительной власти, существуют и иные органы, осуществляющие контрольные и надзорные функции (Счетная палата РФ, Прокуратура РФ и др.).

В-третьих, с работой контрольных и надзорных органов или ее результатами граждане соприкасаются как в ходе служебной деятельности, так и в быту. Достаточно назвать Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) и действующие в регионах государственные жилищные инспекции, контрольно-надзорные полномочия которых распространяются на очень широкие пласты общественных отношений с участием подавляющего большинства населения страны.

В-четвертых, специфика контрольно-надзорной деятельности предполагает необходимость определения и сохранения баланса между защитой прав и законных интересов подконтрольных и поднадзорных органов, организаций и лиц от злоупотреблений полномочиями со стороны проверяющих и обеспечением эффективности контроля и надзора. Установление такого баланса напрямую зависит от качества нормативно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности, в том

числе законодательной регламентации пределов усмотрения уполномоченных органов и лиц. Излишняя свобода усмотрения, предоставленная контрольным и надзорным органам, создает условия для злоупотреблений с их стороны, нарушений прав и законных интересов граждан и юридических лиц, дестабилизации экономической и социальной ситуации в стране. Но при этом неоправданные ограничения конкретно-нормативного или компетенционного усмотрения органов контроля и надзора делают эту деятельность низкоэффективной, что так же является угрозой для безопасности граждан, общества и государства.

Перечисленные обстоятельства демонстрируют большое значение, которое имеет контрольно-надзорная деятельность для нормального развития общества и государства.

Исследование усмотрения контрольных и надзорных органов предполагает необходимость определения содержания контроля и надзора и их соотношения друг с другом.

Словарные определения понятий «контроль» и «надзор» пересекаются между собой, демонстрируя близость значений названных терминов. Так, в словаре живого великорусского языка В.И. Даля термин «надзор» определяется как присмотр, наблюдение, а «надзиратель» — смотритель, надсмотрщик [2]. В других словарных источниках под надзором понимают «наблюдение, присмотр за кем-либо, чем-либо с целью контроля, охраны; наблюдение с целью присмотра; наблюдение специальных учреждений органов власти с целью контроля» [3].

Понятие «контроль» в словарях определяется как «наблюдение и проверка [4]; проверка, наблюдение в целях проверки [5]». То есть словарные источники дают очень близкое толкование названных терминов, сводя их содержание к единому значению — деятельность по проверке и наблюдению.

Юридической наукой предлагаются более развернутые определения понятий «контроль» и «надзор», отражающие характерные черты каждого термина и их различия.

Так, В.П. Беляев определяет контроль как форму юридической деятельности, при которой уполномоченные органы и лица в рамках контрольного производства осуществляют сбор и проверку информации о фактическом выполнении нормативных предписаний и непосредственно применяют меры по предупреждению

и пресечению допущенных нарушений требований нормативно-правовых актов. Под надзором данный автор понимает автономную форму юридической деятельности уполномоченных субъектов, направленную на выявление, пресечение и предупреждение нарушений законов и заключающуюся в разрешении на поднадзорных объектах конкретных юридических дел, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением законов. Исходя из таких определений автор делает вывод о том, что функция надзора присуща только прокуратуре РФ, а другие органы, в первую очередь такие органы исполнительной власти, как федеральные службы, выполняют функцию контроля. В связи с этим он находит целесообразным заменить используемый в названии федеральных служб термин «надзор» на «контроль» [6].

Во многом аналогичное мнение относительно понятия контроля и надзора и их соотношения высказывает В.В. Дьяконов. Он полагает, что контроль — это деятельность государственных органов по обеспечению эффективного и целесообразного функционирования государства путем проверки соответствия фактического состояния общественных отношений юридическим нормам. Надзор он рассматривает как особую разновидность специального государственного контроля правоохранительных органов, обеспечивающую законность посредством реагирования на ее нарушения [7]. В приведенных определениях акцент также делается на том, что предметом надзорной деятельности выступает законность, и такая деятельность является более узкой по сравнению с контрольной.

Кроме указания на специфику предмета деятельности, контроль и надзор различают по объему и характеру полномочий, которыми обладают соответствующие органы и лица. Так, например, Н.М. Конин полагает, что контроль включает в себя проверку фактического результата, путей и средств его достижения, а также принятие мер позитивного или негативного характера по итогам контроля. Надзор же исчерпывается проверкой результата на соблюдение нормативного предписания [8]. А.П. Алехин и А.А. Кармолицкий в качестве особенностей отмечают, что в процессе контроля могут применяться меры дисциплинарного воздействия, а в процессе надзора — административного [9].

Анализ подходов к определению содержания контроля и надзора позволяет сделать вывод о

том, что данные понятия являются взаимосвязанными, но не тождественными, поскольку отражают особенности двух видов проверочной юридической деятельности: контрольной и надзорной.

Действующее законодательство использует термины «контроль» и «надзор» совместно, из чего можно сделать вывод, что эти виды деятельности рассматриваются как самостоятельные, но при этом близкие по целям, задачам, правовой регламентации, субъектам их осуществляющим. Однако нормативно-правовые акты не дают однозначного ответа на вопрос о различиях между контролем и надзором. Так, в подпункте «б» пункта 2 Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» устанавливается, что понимается под функциями по контролю и надзору, которыми наделяются органы исполнительной власти: осуществление действий по контролю и надзору за исполнением государственными и муниципальными органами, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных нормативно-правовыми актами общеобязательных правил поведения; выдача лицензий (разрешений) на занятие определенной деятельностью; регистрация актов, документов, прав и объектов [10]. В ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [11] даются законодательные дефиниции «государственного контроля (надзора)», «федерального государственного контроля (надзора)», «регионального государственного контроля (надзора)» и «муниципального контроля». Основываясь на содержании названной статьи, можно сделать два вывода. Во-первых, надзор не осуществляется органами местного самоуправления и за исполнением предписаний, содержащихся в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления. Во-вторых, элементы, которые в соответствии с п. 1 ст. 2 указанного закона составляют содержание государственного контроля (надзора): деятельность уполномоченных органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований, установленных нормативно-правовыми актами, осуществляемая посредством проведения проверок, профилактических мероприятий, меро-

приятий, осуществляемых без взаимодействия с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, присущи как собственно контролю, так и надзору. В других законах использование понятий «надзор» (прокурорский надзор [12]) и «контроль» (например, лицензионный контроль [13]) не сопровождается разъяснением специфики этого вида проверочной деятельности по сравнению с другим. Следовательно, устанавливать различия необходимо на основе анализа полномочий проверяющих органов, особенностей предмета проверок, их организации.

Рассматривая специфику контроля и надзора, следует обратить внимание на критерии, по которым проводится их дифференциация. Как правило, в качестве таких критериев выделяют: отношение подчиненности, предмет проверок, объем полномочий проверяющих органов и лиц. Следует согласиться с авторами, которые на основе названных критериев определяют следующие основные отличия надзора от контроля:

а) при надзоре отсутствуют отношения подчиненности проверяемых органов надзирающим, а при контроле такое подчинение возможно. Исходя из этого, надзор свободен от признаков руководства и управления и носит по отношению к проверяемому объекту только внешний характер, а контроль может быть как внешним, так и внутренним, связанным с управленческой деятельностью;

б) в процессе надзора оценивается деятельность и ее результаты с позиции соответствия нормативным предписаниям (прежде всего, правовым), тогда как при контроле оценке могут подлежать целесообразность и эффективность деятельности;

в) возможность вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность проверяемого органа может существовать при контроле и отсутствует при надзоре;

г) отсутствие возможности у должностных лиц надзорных органов самостоятельно принимать меры к устранению выявленных нарушений и применять меры дисциплинарного воздействия на лиц, допустивших нарушения. Органы контроля могут обладать соответствующими полномочиями [14].

Перечисленные отличия будут определять объем дискреционных полномочий контрольных органов и надзорных, а также уровень свободы усмотрения, которой они обладают. Оче-

видно, что отношения подчиненности, которые могут быть у контролирующего органа с проверяемым, предполагают наличие у контролирующего органа большей свободы в выборе вариантов предупреждения, профилактики, устранения допущенных нарушений, чем у надзорного.

Названные особенности отличают контроль от надзора, однако они не отражают их соотношения. В литературе отсутствует единообразный подход к определению соотношения контроля и надзора. Можно выделить три основных точки зрения на соотношение данных понятий. В рамках первого подхода контроль рассматривается как более общее понятие, включающее в себя надзор [15]. В рамках этого подхода существует небольшой разброс мнений относительно характеристик надзора — является ли он особой разновидностью контроля, либо не обладает специфическими чертами и идентичен последнему.

Согласно второй точке зрения, наоборот, понятие «надзор» следует рассматривать как более общее, включающее контроль. В частности, О. С. Соколова приходит к такому выводу, исходя из анализа определений основных понятий, используемых в законе «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Она отмечает, что если законодатель под проверкой понимает совокупность мероприятий по контролю, проводимых уполномоченными органами контроля и надзора, то контроль является частью надзора, поскольку последний включает в себя проведение проверок [16]. Такой вывод представляется крайне спорным, в связи с тем, что не только надзор, но и контроль включает в себя проведение проверок, и с этой точки зрения, как разновидность проверочной деятельности, контроль равнозначен надзору.

Наиболее оптимальным представляется третий подход, в рамках которого предлагается различать широкое понимание контроля как

социально-правового явления или системы государственного контроля. Данное явление находит свое выражение в двух самостоятельных видах деятельности — надзоре и разновидностях собственно контроля (парламентский, президентский, органов исполнительной власти и др.) [17]. Представляется допустимым термин «контроль», используемый в широком смысле, заменять на «проверочную деятельность», имеющую две разновидности: контрольную (соответствующие виды контроля — президентский, парламентский, судебный и т.п.) и надзорную.

Таким образом, изложенные обстоятельства позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, проверочная деятельность, осуществляемая в форме контроля или надзора, имеет определенные особенности по сравнению с иными видами правоприменения. Проведение контрольных или надзорных мероприятий является властной формой реализации правовых норм, закрепляющих полномочия соответствующих органов. Однако не всегда такая деятельность завершается вынесением правоприменительного акта. Это означает, что усмотрение контролирующего или надзорного органа может быть выражено не только в правоприменительном акте, но и в иных деяниях должностных лиц этих органов (например, при отсутствии нарушений обязательных требований в деятельности проверяемого субъекта, документ реагирования не составляется, а результаты проверочных мероприятий могут быть отражены в справке или акте проверки).

Во-вторых, излишнее законодательное ограничение дискреционных полномочий проверяющих органов может привести к снижению эффективности контрольных и надзорных мероприятий. Это обусловлено тем, что достижение цели проверки — максимально полное и своевременное выявление всех допущенных нарушений в деятельности проверяемого субъекта, обеспечивается широкой вариативностью действий проверяющих.

Библиографический список

1. *Евсиков К. С., Спиридонов А. А.* Повышение уровня защиты конституционных прав и свобод человека в свете реформы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 3–2. С. 69.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2: И — О. 1998. С. 401.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ; Мир и образование, 2018. С. 570.
4. Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев) / Под ред. В. В. Розановой. М.: Изд-во «Русский язык», 1978. С. 72.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. 1982. С. 94.
6. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11–13.
7. Дьяконов В. В. Контроль и надзор в системе функций государства (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.
8. Конин Н. М. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М.: Юрист, 2004. С. 235.
9. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Зерцало-М, 2007. С. 404.
10. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11. Ст. 945; 2019. № 15 (ч. 1). Ст. 1727.
11. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6249; 2020. № 29. Ст. 4504.
12. Федеральный закон от 17 января 1992 г. (в ред. от 27 октября 2020 г.) № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 44. Ст. 6895.
13. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. (в ред. от 31 июля 2020 г.) № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716; 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5029.
14. Богатова Е. В. Контрольно-надзорная деятельность и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 9.
15. Авакьян С. А., Барабашев Г. В. Советы и совершенствование деятельности местных контрольных органов // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1984. № 1. С. 14.
16. Соколова О. С. Понятие и содержание муниципального контроля // Современное право. 2009. № 10. С. 77.
17. Гейвандов Я. А. Содержание и основные направления государственной надзорно-контрольной деятельности в банковской сфере // Юрист. 2000. № 6. С. 24.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВИЗМА: КАК АВТОМАТИЗАЦИЯ ПОВЛИЯЕТ НА РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРАВА

© 2020 Орлов Михаил Александрович

аспирант кафедры ТГиП Школы права Института права и управления
Московский городской педагогический университет, Россия, Москва
E-mail: mix190395@yandex.ru

Процессы поиска оптимальной концепции правопонимания в Российской Федерации сталкиваются с необходимостью адаптироваться под новые цифровые реалии. Автоматизация и цифровизация некоторых общественных процессов уже стала обыденностью. В связи с развитием данных процессов возникает вопрос об актуальности существующих подходов к правопониманию. Делается вывод о возможности цифровой модернизации современного Российского нормативизма.

Ключевые слова: нормативизм, интегративное правопонимание, концепции правопонимания, информационный подход к правопониманию, автоматизация, цифровизация, машиночитаемое право.

В последние пять-десять лет в Российской юридической литературе обострились дискуссии относительно поиска новых парадигм права и подходов к правопониманию. Укрепились две точки зрения относительно оценки концепций правопонимания, которые возможно использовать применительно к процессам автоматизации и цифровизации. Первая состоит в признании юридического позитивизма (нормативизма) действующей и полноценной концепции правопонимания, не исключая возможности ее модернизации. Вторая же представляет собой интегративный подход к правопониманию, предполагающий объединение различных подходов в нескольких вариациях.

Истоки данной дискуссии лежат в необходимости переосмысления роли права в постсоветской действительности, повышения эффективности российской судебной системы, разрешения проблемы доминирования исполнительной власти в России. Нормативизм привнес в теорию права стройную систему, а также объяснил явление права на формальной позитивистской основе [1]. В то же время, нормативизм практически не воспринимает правовые сущности, для которых отсутствует четкое определение. Например, понятие «свободы» в широком истолковании может принимать значение «анархии» или «права сильного», что вряд ли согласуется с целями правового регулирования демократического государства. Соответственно, включение такого понятия в понятийный аппарат нормативизма должно сопровождаться как минимум его системной оценкой, что предпола-

гает его узкое толкование.

Закостенелость нормативизма не могла оставить равнодушными исследователей права. Его жесткая иерархичность шла вразрез с появлением новых областей правового регулирования, применении цифровых технологий в правотворчестве и правоприменении, необходимости по-новому осмыслить структуру системы права, привнеси в нее новые элементы. Например, как отмечает Хабриева Т.Я., система права сталкивается с трансформацией в виде появления циклических правовых массивов, которые не могут быть встроены в существующую систему [2]. Например, Залоило М.В. и Черногор Н.Н. предлагают отнести к таким массивам совокупность правовых норм, разработанных в России в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [3].

Помимо внутрисистемных ограничений нормативизма существуют и иные, не происходящие из внутреннего строения системы. Так, признание высшей ценностью прав человека возможно в нормативизме только при условии соответствующего государственного санкционирования. Концепция естественных прав человека не может быть полностью включена в нормативизм, т.к. исключает государственное санкционирование как основной фактор надежды правовой нормы юридической силой.

Вопрос соотношения естественно-правовой и нормативистской концепции является особенно актуальным, в том числе и в период пандемии COVID-19. Как указывает Совет Европы, применение некоторых общепризнанных принципов

права, в т.ч. стандартов соблюдения прав человека, может быть ограничено в необходимом объеме с целью сохранения «жизни нации» [4]. В условиях чрезвычайной ситуации необходимые четкие и слаженные действия государства и общества, что означает выработку конкретных правил поведения (норм права). Нормативизм в данном случае выступает как система, способная обеспечить функционирование таких правил. При этом механизмы демократического государства позволяют избежать злоупотребления нормами права, и их применение происходит согласно общепризнанным принципам, закрепленным в международных документах.

В попытках преодолеть названные ограничения нормативизма и иные его недостатки некоторыми исследователями разрабатывается интегративный подход к правопониманию. Следует указать, что данный подход не гомогенен, он имеет множество концепций по интеграции различных вариантов теорий права. При этом одни концепции могут частично противоречить другим. Например, под интеграцией могут понимать:

1. Объединение известных атрибутов существующих школ правопонимания;
2. Выявление общих точек соприкосновения различных типов правопонимания [5];
3. Объединение норм, отношений и правосознания, т.е. представлений о том, каким должны быть правовые нормы и правовые отношения [6];
4. Включение в правовую систему нормативных правовых актов, содержащих нормы права и иных форм права, прежде всего, основополагающих (фундаментальных) принципы права, нормативных правовых договоров, содержащих нормы права, а также обычаев, содержащих нормы права [7].

Как можно наблюдать, уже на этапе определения предмета интеграции возникают некоторые сложности. Предмет интеграции слишком абстрактен в одной трактовке и достаточно узок в другой. Проблемы возникают и в других сторонах данного подхода. Из неопределенного предмета интеграции следует отсутствие методики интеграции. Также отсутствует сколько-нибудь внятное описание системы права в интегративном правопонимании. В целом, данный подход даже спустя несколько десятков лет после появления первых публикаций остается недостаточно разработанным и буквально топчется на

месте. Возможно, разработка данного подхода затянется на долгие годы. Однако интегративный подход, при всех его плюсах и минусах, все же пытается отойти от позитивистской догматики и использовать общие принципы права, закрепленные на международном уровне.

Нормативизм, в свою очередь, предоставляет достаточно четкое понимание системы права, ее соотношение с системой законодательства, объясняет понятие права, разделяет право на отрасли, подотрасли и более низкоуровневые структурные единицы, вплоть до нормы права. При этом нормативизм не исключает его дополнение другими структурами, институтами. Он имеет возможность адаптироваться под реалии времени, иметь для этого гносеологические обоснование, хотя для такого преобразования может потребоваться несколько лет.

Такие качества нормативизма могут помочь ему в дальнейшей трансформации ввиду стремительного технологического развития общества. Как отмечает Синюков В.Н., «делается всё более актуальной проблема системной правовой интерпретации происходящих социальных и технических изменений» [8]. Хотя решение данной проблемы видится Синюковым В.Н. в разработке нового цифрового социального регулятора вместо «устаревшего» права, это предложение достаточно дискуссионно. Например, не учитывается сохранение сущности правоотношений при их переносе в цифровое пространство. Появление же принципиально новых правоотношений, ради которых необходимо вводить новое «цифровое» право, приходится на достаточно отдаленную перспективу.

Существует и другой подход к нормативизму в российской юридической литературе, основанный на признании интегративного характера российского нормативизма [9]. Признается, в том числе, его ориентация на наблюдаемые в обществе отношения и явления, уже на основании которых нормативизм выстраивает систему правового регулирования. Участие граждан и общественных организаций в нормотворчестве и государственном управлении, закрепление естественных прав человека как неотчуждаемых не противоречат принципам нормативизма в демократических государствах. Однако это не является интеграцией в буквальном ее толковании. Авторами подтверждается наличие минимальных противоречий между выстроенной системой нормативизма и наблюдаемым фактам и

явлениям жизни, указывается на адаптивность всей системы. Данный подход скорее укрепляет позиции нормативизма в научном сообществе, чем трансформирует его в иную концепцию.

Одним из направлений технологического развития общества является внедрение процессов автоматизации в различные сферы деятельности. Автоматизация преследует цель максимально эффективного использования какого-либо общественного или производственного процесса без непосредственного вмешательства человека. Возможно говорить об автоматизации процессов правотворчества и правоприменения в будущем, т.к. данные процессы по своей природе являются информационными процессами, в рамках которых правовая информация передается от одного участника правоотношений другому. Если рассматривать право с точки зрения информационной системы, то это открывает возможность для автоматизации процессов внутри системы. В таких условиях невозможно отрицать будущее влияние автоматизации на право.

Данная проблема стала активно разрабатываться в России с 2018 года, с утверждением Национальной программы «Цифровая экономика» в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». С точки зрения теории права представляет интерес раздел 6 паспорта национальной программы. Предполагается постепенное внедрение процессов автоматизации в правотворчестве и правоприменении, создание машиночитаемых норм права с помощью применения современных и перспективных информационных технологий, таких как искусственный интеллект, обработка больших данных, распределенные реестры и прочие.

Создание модели правового регулирования, основанной на машиночитаемом и автоматически применяемом праве, позволит решить несколько глобальных правовых проблем. Так, из-за технологической необходимости построения четкой иерархической системы права в ее взаимосвязи с высокотехнологичными устройствами взаимодействия с такой системой, устранится необходимость толкования законодательства, а нарушить закон станет трудно из-за технической невозможности сделать это [10]. Вследствие этого, судебная система претерпит значительные изменения. В зависимости от уровня ма-

шинизации и автоматизации права, судебная система может незначительно реформироваться, добавив возможность для самостоятельного принятия судебных актов программой по типовым делам, так и трансформироваться в сообщество наиболее профессиональных юристов как системы совещательных органов, предоставив отправление правосудия полностью на откуп программам.

Данные изменения в том или ином масштабе затронут все процессы правоприменения, что приведет к сокращению штатной численности в государственных органах, общей оптимизации деятельности государственных органов за счет их реорганизации и распределения полномочий. Не будут исключением и процессы правотворчества, которые могут быть значительно оптимизированы за счет сбора «больших данных» об актуальных общественных запросах, автоматической проверки согласованности данного запроса с действующей системой права, принятия закона в качестве программного кода и т.д. Конечно, это всего лишь малая часть изменений, которые могут возникнуть при введении машиночитаемого и автоматически применяемого права. Для целей данной статьи необходимо общее представление о таких изменениях, однако критически важно обозначить общие направления развития для всей системы права.

Возникает вопрос — необходима ли внесение изменений в существующую теорию нормативизма в связи с ожидаемыми изменениями? Или наиболее подходящим может оказаться интегративное правопонимание? Думается, что современный российский нормативизм в целом соответствует целям и задачам, стоящим перед правом в будущем. В том числе, к таким задачам относится автоматизация правотворчества и правоприменения. Нормативизм не исключает применения к правотворчеству и правоприменению новых методов, пока они не изменяют саму сущность данных процессов.

Действующая система права претерпит незначительные изменения, т.к. все еще будет существовать необходимость в группировке норм права по отраслям и институтам ввиду различия принципов и предметов правового регулирования. Однако систему права, ее отдельные элементы и структуру следует рассматривать с точки зрения информационного подхода к правопониманию. Черданцев А.Ф. указывает, что информационное свойство права проявляется

в правовом регулировании как «воздействие различных видов информации (прежде всего предписывающей) на сознание людей» и как «движение различного вида правовой информации, складывающейся из различных идеальных объектов, к числу которых относятся и принципы права» [11]. Применение информационного подхода к правопониманию, т.е. оценки права как информационной системы, позволит ускорить и оптимизировать внедрение процессов автоматизации. Система права в современной нормативистской трактовке позволяет применить к ней некоторые положения теории информации, в т.ч. о каналах связи. Автоматизация и цифровизация может быть применима максимально эффективно к праву и правовым нормам в контексте интерпретации данных понятий как информационных явлений или, если рассматривать их в узком смысле, программных кодов машиночитаемого права. Однако невозможно создать подобную программу для ЭВМ, написать программный код, если не имеется системное понимание происходящих в праве процессов.

Также существуют и технологические ограничения на создание машиночитаемого и автоматически применяемого права. Например, значительно затруднен перевод в цифровое

пространство объекта без заданных параметров, т.е. общественных явлений без четкого определения понятия. Создание машиночитаемых норм права потребует перевода в программный код всех структурных элементов правовой нормы для каждого возможного правоотношения. С расширением механизации и автоматизации в праве, все больше норм права будут приобретать казуистичный характер. При переводе нормы права в машиночитаемый формат возникает необходимость четкости и большей конкретизации норм права. Машиночитаемая норма права должна иметь конкретный предмет регулирования, во избежание конфликта с другими машиночитаемыми нормами. Таким образом, технологические ограничения разработки программного обеспечения (без которого невозможна автоматизация правоприменения и правотворчества) и необходимость системного понимания права делают нормативизм единственной концепцией правопонимания, способной адаптироваться к новой цифровой реальности. В то же время, отсутствие системного описания права в интегративном правопонимании делает затруднительным или даже невозможным изучение и применение в ней процессов автоматизации.

Библиографический список

1. Денисенко В.В., Сухинин А. Ю. Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-normativizm-kak-teoretiko-pravovaya-paradigma> (дата обращения: 02.10.2020).
2. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklicheskie-normativnye-massivy-v-prave> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 18
4. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19. Руководство для государств — членов. URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992> (дата обращения: 31.10.2020)
5. Залоило М.В., Черкашина-Шмидт О.В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-pravoponimanie-novyy-podhod> (дата обращения: 07.10.2020).
6. Палеха Р.Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник Воронежского государственного университета. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2010, № 1 (8). — С. 67
7. Еришов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2008. № 7. С. 14
8. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-i-problemy-etapnoi-transformatsii-rossii-skoi-pravovoi-sistemy> (дата обращения: 10.10.2020).
9. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Интегральный характер современного российского нормативизма // КНЖ. 2015. № 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integralnyy-harakter-sovremennogo-rossiyskogo-normativizma> (дата обращения: 16.10.2020).

10. Романов А. Ю. Проблемы перевода норм права в машиночитаемый вид и автоматизации их применения судом // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений. Сборник научных трудов. ИНФРА-М. 2019. Москва. С. 219
11. Черданцев А. Ф. Интегративное непонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-nedoponimanie-prava> (дата обращения: 26.10.2020).

УДК 347.94

DOI: 10.14451/2.148.17

ПЕРЕПИСКА В МЕССЕНДЖЕРЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2020 **Шобей Лариса Геннадьевна**

старший преподаватель кафедры финансов, финансового права, экономики и бухгалтерского учета
Петрозаводский государственный университет, Россия, Петрозаводск
E-mail: l_shobey@mail.ru

© 2020 **Чернова Полина Андреевна**

студент
Петрозаводский государственный университет, Россия, Петрозаводск
член Молодежной палаты Консультативного совета при Управлении Роскомнадзора
по Северо-Западному федеральному округу
E-mail: p_a_sh@mail.ru

В статье поднимается проблема представления электронной переписки как доказательства в гражданском судопроизводстве. Предлагаются способы установления подлинности электронных сообщений. Анализируется судебная практика, описывается опыт США в использовании электронных доказательств в судебном производстве. Обосновывается необходимость определения критериев допустимости электронных доказательств в гражданском производстве.

Ключевые слова: электронное сообщение, мессенджер, доказательство, идентификация личности, нотариальное действие, судебно-техническая экспертиза, судебная практика.

В настоящее время общение посредством использования сервиса обмена мгновенными сообщениями, т.е. мессенджеров, и социальных сетей стало неотъемлемой частью жизни общества. Разумеется, что информация, передаваемая в сообщениях через данные средства коммуникации, зачастую содержит важные сведения, на основе которых суд может установить наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела. В связи с этим, участникам гражданского судопроизводства необходимо знать, как придать юридическую силу электронной переписке. На сегодняшний день в законодательстве не существует определенного термина «электронное сообщение», который бы отразил все его существенные признаки и свойства как доказательства [13]. Положения пункта 10 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определили, что электронное сообщение — информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети [2]. На сегодняшний день ни один нормативно-правовой акт не разъясняет, какими характеристиками должна обладать электронная переписка, чтобы суд посчитал её допустимым

доказательством.

В рамках определения письменных доказательств в статье 71 ГПК РФ содержится оборот «иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [1]. Исходя из данных положений, можно сделать вывод, что электронные сообщения законодатель относит к письменным доказательствам. В связи с этим, поднимается вопрос не столько о том, можно ли использовать такую переписку в качестве доказательств, а то, каким образом оформить данные доказательства.

Поскольку электронные доказательства относятся к письменным доказательствам, их необходимо преобразовать в материальный носитель информации, т.е. оформить в виде письменного бумажного документа. Самым простым способом является печать изображения с перепиской, иными словами скриншота переписки. В таком случае возникает вопрос об установлении достоверности, допустимости и относимости электронной переписки как доказательства. На сегодняшний день существует практика, свидетельствующая о том, что про-

стой экземпляр распечатки переписки является надлежащим доказательством и не требует особого его представления [8].

Пленум Верховного суда РФ постановил, что «если иное не установлено законом или договором и не следует из обычая или практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, юридически значимое сообщение может быть направлено, в том числе посредством электронной почты, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано» [4]. Стороны могут ссылаться на электронную переписку в процессе доказывания своей позиции, если она позволяет установить получателя, отправителя и содержание письма, а также получена законными способами, не противоречит основам гражданского процессуального законодательства. В частности, в судебной практике Второго арбитражного апелляционного суда имеется дело, по которому суд не признал электронную переписку надлежащим доказательством. Причиной данного обстоятельства служил тот факт, что идентифицировать лиц, осуществляющих электронную переписку, не представлялось возможным, поскольку при создании электронного почтового ящика не требуется представления документов, удостоверяющих личность физического лица, либо учредительных документов юридического лица [7].

Способом идентификации личностей получателя и отправителя электронных сообщений может являться договоренность между ними об использовании электронных писем в гражданско-правовом договоре и указанием в нем конкретных адресов электронной почты, идентифицирующих данных в мессенджерах, в частности, указанием номеров телефонов или уникальных логинов. Кроме этого, стороны могут сами придать электронной переписке юридическую силу, указав ряд условий о том, какой порядок признания доказательств стороны согласовали. Например, стороны могут указать условие, что простые распечатки (скриншоты) с мессенджеров подтверждают факт оказания услуг, выполнения работ, обмен документами, изменение ранее заключенного договора и другие юридически значимые действия.

Основываясь на российском законодательстве, можно определить несколько способов установления подлинности электронных сообщений. Стоит отметить, что в случае, если противоположная сторона отвергает достоверность

предъявленного электронного сообщения, то подтверждение подлинности электронного сообщения обязательно для стороны, предъявившей его в качестве доказательства. Так, обеспечение электронного доказательства возможно произвести у нотариуса. По данным Федеральной нотариальной палаты, за семь месяцев 2020 года за фиксацией каких-либо электронных сообщений к нотариусам обратились более 13,5 тысячи человек. По итогам 2019 года спрос на данное нотариальное действие вырос на 12 процентов даже с учетом корректив, которые внес 2020 год [10]. Согласно ст. 102 и ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус в присутствии сторон и заинтересованных лиц осуществляет фиксацию информации, содержащейся в электронной переписке в мобильном приложении, путем оформления протокола осмотра информации на конкретном устройстве [3]. В данном протоколе нотариус удостоверяет наличие той информации, о которой было заявлено лицом, обратившимся к нему. Таковой может являться информация, содержащая конкретные цитаты, подробное описание изображений, аудио- и видеозаписей, сведения об устройстве связи (смартфон или компьютер), заверение, что абонентский номер принадлежит заявителю на основании договора с оператором связи. Скриншот переписки распечатывается и прикладывается к протоколу в качестве приложения. Однако стоит отметить, что нотариус не является экспертом в области компьютерной техники и не всегда может заметить подмену электронного адреса отправителя и прочих случаев недобросовестного поведения стороны, поэтому в некоторых случаях необходимо производство экспертизы [9]. Нотариус может подтвердить только факт переписки, а не личности получателя и отправителя [9]. Кроме этого, необходимо взять во внимание тот факт, что конкретные цитаты могут потерять смысл вне контекста, поэтому скриншот переписки в мессенджере должен быть содержательным. Данное обстоятельство подтверждает судебная практика. Так, при рассмотрении апелляционной жалобы Восьмой арбитражный апелляционный суд решал вопрос о допустимости электронной переписки. Суд указал, что из содержания переписки не следует, какие именно документы, кто и у кого запрашивал, какая ситуация является предметом переписки, поэтому признал переписку ненадлежащим доказательством [6]. В поста-

новлении Второго арбитражного апелляционного суда отмечено: «В переписке отсутствуют реквизиты договоров, помещение не индивидуализировано, личность Олега не установлена», поэтому суд не счел данную переписку надлежащим доказательством [7]. Достаточная содержательность переписки напрямую влияет на ее признание судом относимым доказательством.

Для оформления всех официальных действий не обязательно прибегать к помощи нотариуса. Получение категоричного ответа относительно отсутствия фальсификации электронной переписки возможно только путем проведения экспертизы. Согласно статье 79 ГПК РФ суд может назначить экспертизу для установления юридической силы электронной переписки. Поскольку речь идет об электронной информации, которая хранится на компьютере или в сети «Интернет», то ее можно заверить при помощи специалиста с компьютерно-техническим профильным образованием. Эксперт сможет установить не только факт самой переписки, но и установить личности отправителя и получателя.

В практике Московского городского суда в 2018 г. было дело по иску о взыскании суммы аванса по договору подряда, компенсации морального вреда, штрафа, судебных расходов, оспаривалось выполнение работы в установленные договором сроки. В подтверждение своей позиции ответчик предоставил скриншоты сообщений в мессенджере WhatsApp. Суд посчитал, что данные скриншоты являются недопустимыми доказательствами в связи с отсутствием возможности установить отправителя сообщений; нотариально удостоверенный протокол осмотра электронной переписки в мобильном приложении не представлен; переписка в мессенджере WhatsApp противоречит пунктам спорного договора, в соответствии которым переписка между сторонами осуществляется путем направления корреспонденции заказными письмами с уведомлением [5]. Других доказательств суду ответчик не предоставил, поэтому суд удовлетворил требования истца.

В рамках статьи 188 ГПК РФ исследование доказательств может быть произведено на судебном заседании с участием специалиста. При этом суд может истребовать электронную переписку на техническом устройстве для обеспечения надлежащего качества консультации специалиста. Истребование документа на техническом носителе может создать сложность,

однако позволит избежать предоставления недопустимых доказательств [11].

Наиболее показательным опытом использования электронных доказательств в судебном производстве является опыт Соединенных Штатов Америки. В данном государстве с конца 1960-х годов произошло появление в гражданском обороте электронно-вычислительных машин. Уже в 1975 году зарубежные законодатели приняли кодифицированный акт — Федеральные правила доказывания (Federal Rules of Evidence) — которые отнесли электронные документы к письменным доказательствам. В документе указывалось, что письменные документы состоят из букв, слов или цифр или их эквивалентов, выполненных от руки, на пишущей машинке, печатанием, фотографированием, магнитными импульсами, механическим или электронным записью или другим способом [12]. В октябре 2020 года в США Конференция Седона и ее рабочая группа по хранению и представлению электронных документов (Electronic Document Retention and Production) сообщили о публикации второй редакции документа «Комментарий Конференции Седона по доказательствам в виде сохраняемой электронным образом информации и их допустимости». Настоящая редакция содержит рекомендации, отражающие эволюцию технологий и поправки, внесённые в 2017 и 2019 годах в Федеральные правила доказывания [14]. Содержание комментария сводится к следующему. В первом блоке отражено применение существующих правил прецедентного права к электронным доказательствам. Следующий блок представляют собой нормы о решении появляющихся проблем использования электронной информации в качестве доказательств. В частности, документ решает проблему идентификации лиц — установление владельца или создателя электронной информации. Третий блок включает в себя рекомендации по представлению, исследованию и оценке доказательств в судах. Стоит отметить, что детальная регламентация упрощает процесс признания электронных доказательств в деле допустимыми и способствует осуществлению защиты нарушенных прав, свобод и интересов граждан.

Таким образом, нужно отметить, что электронная переписка в мессенджерах и социальных сетях может являться доказательством в гражданском судопроизводстве, однако при

этом должны быть соблюдены несколько требований. Электронная переписка должна позволять установить получателя, отправителя и содержание письма, а также должна быть получена законными способами, не должна противоречить основам гражданского процессуального законодательства. Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что юридическую силу электронным сообщениям могут придать согласованные сторонами условия договора, нотари-

ус путем составления нотариального протокола, судебно-техническая экспертиза. Во избежание спорных ситуаций в контексте признания судом электронного доказательства допустимым, законодателю необходимо обозначить критерии допустимости и достоверности электронных доказательств или указать, какими способами можно идентифицировать получателя и отправителя и установить подлинность содержания электронной переписки.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 N 138-ФЗ// Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — N 46. — ст. 4532.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ// Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — N 31 (1 ч.). — ст. 3448.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1// Российская газета. — N 49. — 13.03.1993.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25// Российская газета. — N 140. — 30.06.2015.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.09.2018 по делу N 33-42376/2018
6. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2017 N 08АП-13836/2016 по делу N А81-1879/2016
7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.03.2018 N 02АП-606/2018 по делу N А29-9751/2017
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2012 N 09АП-34143/2011-ГК по делу N А40-65915/11-32-525
9. *Захаренко В. В.* Проблема представления электронного документа в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах [Электр. ресурс]/ В. В. Захаренко// Вестник науки и образования. — Электрон. ст. — 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-predstavleniya-elektronnogo-dokumenta-v-kachestve-dokazatelstva-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsessah/viewer>
10. *Куликов В.* Поймают на слове [Электр. ресурс]/ В. Куликов// Российская газета. — Электрон. ст. — № 193 (8247). — 30.08.2020. — URL: <https://rg.ru/2020/08/30/rossiiane-nachali-fiksirovat-u-notariusov-perepisku-v-telephone.html>
11. *Попов В. А.* Особенности исследования электронных документов и их применению в качестве доказательств в гражданском и арбитражном процессе [Электр. ресурс]/ Армия и общество. — Электрон. ст. — 2013. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-elektronnyh-dokumentov-i-ih-primeneniyu-v-kachestve-dokazatelstv-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse/viewer>
12. Правовая оценка электронных доказательств: иностранный опыт [Электр. ресурс]. — URL: <http://www.s-quo.com/content/articles/337/7446/>
13. *Седельникова Д. В.* Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах/ Д. В. Седельникова [Электр. ресурс]/ Правопорядок: история, теория, практика. — Электрон. ст. — N 2 (13). — 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-elektronnogo-dokazatelstva-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsessah/viewer>
14. *Храмцовская Н.* США: «Конференция Седона» опубликовала 2-ю редакцию «Комментария по доказательствам в виде сохраняемой электронным образом информации и их допустимости» [Электр. ресурс]/ Н. Храмцовская. — URL: http://rusrim.blogspot.com/2020/10/2_30.html

УДК 007

DOI: 10.14451/2.148.21

СОСТОЯНИЕ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ «УМНОЙ МЕДИЦИНЫ» В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2020 **Ануркин Н. М.**

студент-магистрант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: anurkin-94@mail.ru

© 2020 **Лошкарев А. В.**

кандидат юридических наук

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: 2482337@mail.ru

В статье рассмотрены основные проблемы и перспективы развития инфраструктуры «умной медицины» в цифровой экономике. Сделан вывод о необходимости более активного вмешательства государства в данные процессы, путем стимулирования субъектов экономической деятельности, разработки и внедрения соответствующих технологий с целью создания полноценной инфраструктуры (в первую очередь — соответствующих баз данных) для развития «умной медицины» в Российской Федерации.

Ключевые слова: умная медицина, телемедицина, электронные медицинские карты, цифровая медицина, система ОМС.

Технологическая революция, связанная с глобальной информатизацией и повсеместным развитием онлайн-сервисов, приводит к увеличению доли цифровой экономики. Как отмечает И. В. Сударушкина, цифровую экономику следует понимать как результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности [1]. Очевидно, что столь серьезные «тектонические» процессы не могли не задеть также и медицину, представляющую собой важную сферу экономики и социальной деятельности. Поэтому, на сегодняшний день, медицина представляет собой сферу, в которой наблюдается динамический рост цифровизации. Исследование инноваций в здравоохранении Американского колледжа кардиологии (American College of Cardiology) показали широкий спектр направлений в развитии цифрового здравоохранения, а так же многочисленные взаимосвязи между изучаемыми методами и способами в управлении большими данными, яркими примерами таких направлений можно назвать: роботы в здравоохранении (самым известным из которых является хирургическая система да Винчи (da Vinci Surgical System, США), наноботы (микроскопические роботы близкие по масшта-

бу к нанометру), 3-D печать (одно из направлений которого является биопечать тканей и органов), портативные ультразвуковые устройства, имплантируемые датчики (сенсоры) и т.д. [2].

Одним из ведущих направлений цифровизации медицины является, так называемая, «умная медицина» в которой важным аспектом социальной эффективности в здравоохранении является доступность и преемственность медицинской помощи, а так же удовлетворенность пациентов ее качеством. К основным направлениям «умной медицины» можно отнести телемедицинские консультации, мобильные приложения и медицинские гаджеты. Как отмечает Г. И. Курчеева, в широком смысле под «умной медициной» понимаем интеллектуальное здравоохранение, которое использует новейшие мобильные и цифровые достижения в области электронного здравоохранения (eHealth) и мобильного здравоохранения (mHealth), что стимулирует развитие умных и подключенных медицинских девайсов, обеспечивающих постоянное отслеживание показателей пациентов вне стен медицинских учреждений и, соответственно, предупреждение болезней [3]. Благодаря «умной медицине» возможно обеспечение как можно более ранней первичной диагностики заболеваний, а также постоянный контроль со-

стояния пациента, что особенно важно как для выявления, так и для лечения целого ряда хронических заболеваний.

Цифровая инфраструктура опирается, прежде всего, на обработанные данные. Очевидно, что чем больше данных о пациенте введено в систему цифровой медицины и обработано, тем лучшие результаты для больного возможно ожидать. Именно цифровизация данных и создание единой системы медицинских данных о пациенте является важной предпосылкой для дальнейшего развития «умной» медицины. Как показывает зарубежный опыт, данные системы успешно применяются в ряде государств: так, например, в Эстонии система единых цифровых медицинских карт была внедрена еще в 2008 году, а в Швеции охват электронной медицинской карты достиг 100% еще в 2012 году [4].

Наличие единой медицинской базы данных с надлежащим наполнением и уровнем правовой защиты является обязательной предпосылкой для формирования системы «умной» медицины. В научной среде нет сомнений в том, что именно электронные медицинские карты являются базовой инфраструктурой для развития инновационной медицины [5]. Тем не менее, на сегодняшний день, такая система в Российской Федерации находится в процессе имплементации.

Так, в соответствии с данными исследования, которые провела компания «Медицинские информационные исследования» в октябре 2019 г. (опрошено более 4000 врачей), только 4% российских врачей полностью перешли на электронные медицинские карты пациента [6]. В лучшем случае медицинские специалисты ведут электронные медицинские карты параллельно с бумажными, что полностью нивелирует суть электронных медицинских карт.

Помимо объективных причин, связанных с недостаточным уровнем подготовки медицинских специалистов к осуществлению операций по заполнению и ведению электронных медицинских карт, корень проблемы лежит также и в субъективном неприятии части пациентов и медицинских работников электронных систем. В то же время пандемия коронавируса и растущее количество онлайн-сервисов приводят к тому, что отношение к электронным услугам постепенно меняется в лучшую сторону, что обуславливает более широкое распространение электронных сервисов.

Тем не менее, по мнению специалистов, эволюционный сценарий имплементации электронных медицинских карт займет, как минимум, несколько лет, что приведет к нарастанию технологической отсталости Российской Федерации от других государств, которые вышли на более высокий уровень цифровизации медицинских услуг. Исходя из вышеизложенного, целесообразным представляется внесение изменений в действующее законодательство, регламентирующее, что денежные средства, уплаченные за услуги, предоставленные по системе ОМС, компенсируются исключительно в том случае, если ведется электронная медицинская карта больного. Такая норма позволит произвести действительно массовую цифровизацию данных о больных и станет важным шагом на пути к внедрению системы «умной» медицины.

Наиболее перспективным направлением «умной» медицины на сегодняшний день является телемедицина. Как отмечает М. Д. Прилуков, на сегодняшний день большинство экспертов сходится во мнении относительно положительного влияния телемедицины [7]. Такие сервисы позволяют, с одной стороны, оптимизировать оказание помощи больным, уменьшив соответствующие транспортные расходы, а с другой стороны — оказать высококвалифицированную помощь людям, находящимся за сотни и тысячи километров от высокоспециализированной медицинской клиники.

Несмотря на то обстоятельство, что в Российской Федерации действует нормативно-правовое регулирование, которое предусматривает телеконсультации, только 2% жителей Москвы пользуются данной услугой, несмотря на то обстоятельство, что более трех четвертей пациентов потенциально готовы получать данные услуги в онлайн-режиме [8]. Вышеизложенное свидетельствует о провале коммуникационной работы соответствующих служб, а также об отсутствии удобных интерфейсов для осуществления телемедицины: поиск надлежащего интерфейса, фактически, становится совместной работой пациента и врача, что, безусловно, негативно влияет как на качество, так и на позитивное восприятие таких услуг пациентами. Одним из выходов из такой ситуации может стать создание единого, унифицированного медицинского приложения, в рамках которого всеми врачами РФ, подключенными к системе ОМС, будут оказываться соответствующие услуги.

Отдельно следует отметить вопрос реализации функций искусственного интеллекта, который уже сегодня является важным диагностическим помощником при определении целого ряда заболеваний. Как отмечает М. И. Муслимов, уже сегодня точность при диагностике опухолей по радиологическим изображениям превышает 90% [9]. При этом очевидно, что точность указанных систем возрастает при использовании bigdata — большого массива информации, сотен тысяч соответствующих изображений. В то же время очевидно, что использование медицинской информации в таких объемах должно гарантировать анонимизацию такой информации и соблюдение медицинской тайны. Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым внесение изменения в действующее законодательство относительно определения поряд-

ка анонимизации медицинской информации, содержащей врачебную тайну, и ее использования системами искусственного интеллекта.

Таким образом, следует констатировать, что современное состояние с имплементацией системы «умной» медицины во врачебную практику в Российской Федерации находится на довольно низком уровне. Несмотря на наличие законодательной базы, объективные технологические и субъективные факторы мешают быстрому применению таких технологий в столь консервативной сфере как медицина. Исходя из вышеизложенного, ускорение развития данной сферы прямо связано с проактивной позицией государства, которое должно не только создавать необходимую нормативную базу, но и стимулировать субъекты экономической деятельности, а так же активно внедрять указанные технологии.

Библиографический список

1. *Сударушкина Ирина Владимировна, Стефанова Наталья Александровна* Цифровая экономика // АНИ: экономика и управление. 2017. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 26.09.2020).
2. *S. Bhavnani*. 2017 Roadmap for Innovation — ACC Health Policy Statement on Healthcare Transformation in the Era of Digital Health, Big Data, and Precision Health / S. Bhavnani, S. S. Hayek, R.S Druz, H. Krumholz // Journal of the American College of Cardiology — 2017. — № 70 (21), — С. 2696–2718
3. *Курчевая Галина Ивановна, Клочков Георгий Александрович* Особенности, направления и принципы формирования «умной медицины» в цифровой экономике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-napravleniya-i-printsipy-formirovaniya-umnoy-meditsiny-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 26.09.2020).
4. *Коданева С. И.* Цифровые технологии в здравоохранении: зарубежный опыт // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyte-tehnologii-v-zdravoohranenii-zarubezhnyu-opyt> (дата обращения: 26.09.2020).
5. *Кухтичев Антон Алексеевич* Электронная медицинская карта как основа сервисов цифровой медицины информационной системы «ЦифроМед» // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-meditsinskaya-karta-kak-osnova-servisov-tsifrovoy-meditsiny-informatsionnoy-sistemy-tsifromed> (дата обращения: 26.09.2020).
6. Электронная медицинская карта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B_%D0%AD%D0%9C%D0%9A, свободный.
7. *Прилуков М.Д.* проблемы правового регулирования телемедицины. российский и международный опыт // Вестник ННГУ. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pravovogo-regulirovaniya-telemeditsiny-rossiyskiy-i-mezhdunarodnyu-opyt> (дата обращения: 26.09.2020).
8. *Козлова А. С., Новиков А.Г.* Направления развития цифровой экономики: телемедицина // Экономика, управление, финансы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). — Краснодар:
9. *Муслимов Муслим Ильясович* Цифровое здравоохранение — как фактор революционных преобразований в отрасли // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-zdravoohranenie-kak-faktor-revolyutsionnyh-preobrazovaniy-v-otrasli> (дата обращения: 26.09.2020).

УДК 342.5
ББК 67.400.6

DOI: 10.14451/2.148.24

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© 2020 Шукина Татьяна Владимировна

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва
E-mail: shukina-tv@mail.ru

Предметом настоящей статьи выступает исследование новых форм государственного надзора и контроля в социально-экономической сфере, включая рассмотрение современной трансформации системы субъектов государственного управления. Тема статьи отражает сущность и характерные особенности изменения форм и методов управленческой деятельности государства, форм государственного надзора и контроля в социально-экономической сфере с точки зрения формирования инновационной инфраструктуры стратегического развития в Российской Федерации. Целью настоящей статьи являются выявление новой системы субъектов государственного управления и выявление зависимости от этого новизны форм государственного надзора и контроля в социально-экономической сфере на современном этапе управления, места и роли социальной кооперации субъектов и объектов государственного управления в этом процессе. Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы. Результаты работы — это формулирование особенностей государственного надзора и контроля в социально-экономической сфере. Область применения результатов работы включает в себя систему публичного управления.

Ключевые слова: государственное управление в социально-экономической сфере, формы государственного надзора и контроля, социальная кооперация, новая система субъектов государственного управления

В настоящее время происходит расширение форм и методологии государственного управления. Это обусловлено структурными и содержательными изменениями объектов государственного управления. Укрепление позиций права частной собственности смоделировало новые формы взаимодействия объектов государственного управления и субъектов государственного управления, изменило сущность методов государственного управления и, соответственно, форм государственного надзора и контроля.

Широко реализуемое проектное управление в сфере национальных проектов и пилотных государственных программ усиливает значение *метода проектного управления* в системе государственного управления. Не утрачивает своей роли и *программный метод* как разновидность метода регулирования. Усиление роли функции оценки в системе публичного управления формирует важность оценочных процедур и соответственно *метода оценки*. Целью *оценочных процедур* является гармонизация взаимодействия объектов и субъектов публичного управления. Оценочные процедуры в деятельности

органов исполнительной власти сопровождаются разработкой разнообразных рейтингов, сводов лучших практик, перечней, мониторингов [1], индексов и т.п. Подобная управленческая деятельность имеет аналитический, обобщающий характер, способствующий формированию реалистичного облика управления в соответствующей области и дальнейшему улучшению его качества и повышению эффективности. Оценку могут производить специально уполномоченные субъекты, профессиональные объединения и другие субъекты в соответствии с требованиями законодательства. Порядок и основания проведения официальных оценочных процедур закрепляется в нормативных правовых актах.

Трансформация сущности объектов государственного управления повлекла за собой серьезные изменения в структуре системы субъектов государственного управления. Формирование новой системы государственного управления обуславливает также непосредственную модернизацию форм государственного надзора и контроля, которые и осуществляют субъекты государственного управления. Рассмотрим харак-

теристику системы субъектов государственного управления. Условно, по мнению автора, ее следует классифицировать на три уровня субъектов управления, где каждый уровень характеризуется определенной спецификой правового статуса и структуры субъектов управления.

Первый уровень субъектов государственного (публичного) управления — это федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Правительство Российской Федерации как коллегиальный высший орган государственной власти, возглавляющий единую систему исполнительной власти в Российской Федерации, обеспечивает реализацию внутренней и внешней политики Российской Федерации, включая государственное регулирование и стратегическое управление.

Иные федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации также сохраняют стабильность основ административно-правового статуса, хотя и в сочетании с регулярным изменением структуры системы федеральных органов исполнительной власти, некоторыми дополнениями в компетенцию отдельных федеральных органов исполнительной власти.

Основная трансформация административно-правового статуса федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации произошла в 2004 году согласно Указу Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [2]. Этим нормативным правовым актом была видоизменена система и компетенция федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Подобная трансформация административно-правового статуса органа исполнительной власти обусловлена впервые документально закрепленной классификацией функций федерального органа исполнительной власти. В зависимости от содержания каждой группы функций федерального органа исполнительной власти определяется его компетенция, круг полномочий и вид федерального органа исполнительной власти.

Вышеупомянутый нормативный правовой акт установил четыре основных группы функций федерального органа исполнительной власти:

1) *функции по принятию нормативных правовых актов*. Основным федеральным органом

исполнительной власти, осуществляющим подобные функции, выступает федеральное министерство. Федеральная служба и федеральное агентство реализуют функции нормативно-правового регулирования в исключительных случаях,

2) *функции по контролю и надзору*. Основным федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим выполнение функций по надзору и контролю, является федеральная служба. Федеральное министерство и федеральная служба вправе реализовывать функции надзора и контроля в случаях, строго установленных указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации;

3) *функции по управлению государственным имуществом*. Исполнение подобных функций возложено на федеральное агентство. Федеральное министерство может выполнять указанные функции в исключительных случаях

4) *функции по оказанию государственных услуг*. Основным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим эти функции, выступает федеральное агентство. Федеральная служба по надзору не имеет права предоставлять платные услуги.

Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» закрепляет трехзвенную систему федеральных органов исполнительной власти, состоящую из федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств. Обязательно каждый федеральный орган исполнительной власти в зависимости от группы исполняемых функций находится либо под руководством Президента Российской Федерации, либо — Правительства Российской Федерации. Общие основы компетенции федерального органа исполнительной власти также установлены в указе Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. N 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Федеральный орган исполнительной власти самостоятелен в осуществлении своих полномочий, установленных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (пред-

ставительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрены правовые основы системы органов государственной власти субъекта РФ.

Система органов исполнительной власти субъекта РФ включает в себя высший орган исполнительной власти субъекта РФ и иные органы исполнительной власти субъектов РФ. Под *системой органов исполнительной власти субъекта РФ* понимается совокупность организационно объединенных и находящихся во взаимной связи, различающихся правовым статусом и объемом полномочий органов исполнительной власти, иерархически связанных и взаимодействующих между собой. Законодательство субъектов РФ дает определения таким юридическим категориям, как исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, структура органа исполнительной власти субъекта РФ, министерство субъекта РФ, инспекция субъекта РФ, управление субъекта РФ.

Под *структурой исполнительных органов государственной власти субъекта РФ* понимается перечень конкретных исполнительных органов, входящих в систему исполнительных органов государственной власти субъекта РФ и обеспечивающих реализацию высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ возложенных на него задач и полномочий. *Структура исполнительных органов государственной власти субъекта РФ* определяется высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ.

Относительно особенностей системы и структуры исполнительных органов государственной власти субъектов РФ отметим, что в субъектах РФ присутствует их разнообразие, различные классификации видов органов исполнительной власти, а также их функций.

Система органов исполнительной власти субъекта РФ утверждается, как правило, в законах субъектов РФ. Представим несколько ее вариантов, действующих в настоящее время. Первый из них включает в себя высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, областные исполнительные органы, территориальные исполнительные органы [3]. Исполнительные органы государственной власти субъекта РФ делятся на областные и терри-

ториальные исполнительные органы.

Областные исполнительные органы государственной власти создаются на основании решений Губернатора области, а порядок деятельности областных исполнительных органов государственной власти закрепляется в положении о соответствующем органе, утвержденном Губернатором области или Правительством области.

В компетенцию областных исполнительных органов государственной власти входит:

- координация и руководство деятельностью территориальных исполнительных органов государственной власти, осуществляющих государственное управление в той же сфере;
- руководство народным хозяйством области, социальной сферой и охраной общественного порядка;
- управление подведомственными организациями;
- разработка и осуществление мероприятий по совершенствованию системы отраслевого и межотраслевого государственного управления;
- взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, территориальными исполнительными органами государственной власти области
- руководство и координация в сфере экономики, финансов, бюджета, управления государственной собственностью области, в сфере научно-технического прогресса, капитального строительства и материально-технического снабжения, в сфере труда, заработной платы и кадровой политики.

В этой же модели системы органов исполнительной власти субъекта РФ исполнительные органы государственной власти делятся на отраслевые и межотраслевые. Областные отраслевые исполнительные органы государственной власти области осуществляют государственное управление в одной из отраслей экономики либо социальной сферы на всей территории области. Областные межотраслевые исполнительные органы государственной власти осуществляют межотраслевое государственное управление. Подобная система органов исполнительной власти субъекта РФ действует в Алтайском крае, Республике Бурятия и других субъектах РФ.

Второй вариант [4] системы органов исполнительной власти субъекта РФ представляет собой совокупность: Правительства как высшего

исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, администрации Правительства области как органа исполнительной власти межотраслевой компетенции и иных исполнительных органов государственной власти субъекта РФ. К иным исполнительным органам государственной власти субъекта РФ относятся органы исполнительной власти отраслевой, межотраслевой и специальной компетенции, образуемые в форме самостоятельных государственных организаций, являющихся юридическими лицами, либо в форме государственных организаций, не имеющих такого статуса и функционирующих при Правительстве субъекта РФ. Органы исполнительной власти отраслевой и межотраслевой компетенции — это министерства, департаменты и управления. Органы исполнительной власти специальной компетенции — это службы и инспекции субъекта РФ.

Подобная система органов исполнительной власти субъекта РФ действует в Орловской области, Брянской области и других субъектах РФ.

Третий вариант системы органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации представлен более упрощенной схемой дифференцирования региональных органов управления. Это — высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ (администрация субъекта Российской Федерации) и исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образованные в форме департаментов, аппаратов, комитетов, управлений, инспекций.

Такая система органов исполнительной власти субъекта РФ действует в Томской, Липецкой областях и других субъектах РФ.

Второй уровень субъектов публично управления, по мнению автора, — это квази-органы исполнительной власти. К ним относятся отдельные государственные корпорации, Центральный банк Российской Федерации и Пенсионный фонд Российской Федерации. Это связано с тем, что указанные публичные юридические лица выполняют государственные функции, которые согласно Указу Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» реализуются исключительно федеральными органами исполнительной власти.

К государственным корпорациям, наделенным функциями федерального органа исполнительной власти, относятся: Роскосмос, Ростех,

Росатом. Автор считает, что *это отраслевые публичные субъекты.* Данные государственные корпорации имеют право разрабатывать и принимать:

- административные регламенты по предоставлению соответствующих государственных услуг и исполнению государственных функций;
- нормативные правовые акты в области стандартизации, государственного контроля и учета, выдачи сертификатов и разрешений;
- иные нормативные правовые акты в сфере своей деятельности за исключением случаев, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ.

Государственные корпорации подобного вида наделяются некоторыми полномочиями и функциями органа государственного управления (например, в области обращения с радиоактивными отходами); осуществляют строительный надзор; обеспечивают реализацию государственной политики; принимают участие в законопроектной деятельности по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности, в порядке, установленном для федеральных органов исполнительной власти. Нормативные правовые акты, издаваемые государственной корпорацией в форме приказов, положений и инструкций, подлежат регистрации и опубликованию в порядке, установленном для федеральных органов исполнительной власти.

Своеобразен порядок создания и ликвидации государственных корпораций. Они создаются и ликвидируются на основании специального федерального закона, подлежат государственной регистрации. Государственные корпорации в соответствии со статьей 65.1. Гражданского кодекса создаются в организационно-правовой форме унитарного юридического лица. Правовой статус такого юридического лица носит неопределенный характер, так как не относится ни к учреждению, ни к некоммерческой унитарной организации, ни к унитарным предприятиям. Соотнести их к организационно-правовой форме публично-правовой компании также невозможно, потому что федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусмотрено преобразование пяти видов государственных

корпораций в публично-правовые компании.

Правовой статус Центрального банка Российской Федерации (Банк России) является уникальным, и подобная особенность выделена в статье 48 Гражданского кодекса РФ. Банк России просто является юридическим лицом, без какой-либо дополнительной градации в части дифференциации организационно-правовой формы. Это обусловлено тем, что статус, цели деятельности, функции и полномочия Центрального банка Российской Федерации (Банка России) определяются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Помимо разработки документов по предоставлению государственных услуг, приравненных к административным регламентам, Центральный банк Российской Федерации исполняет полномочия по разработке и проведению политики развития и обеспечения стабильности и функционирования финансового рынка Российской Федерации. Ранее данная функция выполнялась федеральным органом исполнительной власти (осуществление надзора и контроля, стандартизации).

Третий уровень субъектов публичного управления, по мнению автора, — это иные публичные юридические лица, осуществляющие переданные им государственные полномочия в целях реализации стратегических задач социально — экономического развития Российской Федерации. Или частно-публичные субъекты управления.

Данный уровень субъектов публичного управления не осуществляет нормативно-правовое регулирование, надзор. Как правило, эти субъекты публичного управления создаются государством в целях:

- проведения государственной политики;
- предоставления государственных услуг;
- управления государственным имуществом;
- обеспечения модернизации и инновационного развития экономики;
- осуществления контрольных, управленческих и иных общественно полезных функций и полномочий в отдельных сферах и отраслях экономики;
- реализации особо важных проектов и государственных программ, в том числе по социально-экономическому развитию регионов.

К подобным субъектам относятся: унитарные юридические лица в форме публично-правовых компаний, государственные корпорации: Российская корпорация нанотехнологий,

государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ», государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», некоторые фонды и государственные учреждения.

Особенностью субъектов системы публичного управления третьего уровня является то, что им передается одно или несколько полномочий публично-правового характера, исполнение которых предполагает осуществление определенного властного воздействия на объекты управления. Но это властное воздействие не является единственным направлением их деятельности, не требует разработки нормативных правовых актов, осуществления надзора, оно лишь малая часть их компетенции. Оставшийся круг полномочий такого субъекта непосредственно связан с консультационной, предпринимательской, финансовой и иными видами деятельности. Эти субъекты производят определенный продукт, участвуют на рынке товаров и услуг. Например, эксплуатация автомобильных дорог и их реконструкция, оказание финансовой поддержки субъектам в сфере промышленности, оказание общественных услуг и другое.

Получается, что субъекты системы публичного управления третьего уровня сочетают в себе признаки и субъекта управления (выполнение полномочия публично-правового характера, стратегической задачи государства), и объекта управления (создание уникальных продуктов, материально-производственная деятельность, культурная деятельность, социальные работы, необходимые для общества и укрепления общественных взаимосвязей). Возникает симбиотический субъект — объект современного публичного управления, и обусловлено его появление реализацией аутсорсинга функций и полномочий от органов исполнительной власти к негосударственным структурам. Плавное перемещение публичных полномочий в бизнес среду и к институтам гражданского общества, отказ от тотального планирования материального производства, децентрализация государственного инициирования на уровень общественного управления позволили наделить объекты управления признаками субъекта публичного управления.

В итоге, значительно видоизменяются формы государственного надзора и контроля, особенно в социально-экономической сфере, так как появляются новые формы взаимодействия государственной власти и социума. Современ-

ная система государственного управления существует в нестандартных условиях развития общества и мирового устройства, включая междисциплинарные аспекты стратегического планирования экономики и социального благосостояния. И все это создает условия для устранения административных барьеров, уменьшения роли государственного надзора и контроля и усиления значения кооперации между субъектами и объектами государственного управления. Подобная интеграция вызывает интерес всех социальных субъектов в совместном участии в публичном управлении, в получении навыков социальной коммуникации и знаний, в форми-

ровании инноваций и технологий и их рациональном использовании без применения жестких форм государственного надзора и контроля. Регуляторная политика государства все больше должна сводиться к предоставлению услуг, оказанию консультативной поддержки, осуществлению стратегического регулирования и координации объектов государственного управления. Это приведет к созданию гибкой, прозрачной и адаптивной среды общественно-социального развития, что станет залогом успешного существования государства и общества в условиях глобальных рисков.

Библиографический список

1. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утв. распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р.
2. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.
3. Об исполнительных органах государственной власти Свердловской области: закон Свердловской области от 24 декабря 1996 г. № 58-ОЗ.
4. О Правительстве и иных органах исполнительной власти Кировской области: закон Кировской области от 26 июля 2001 г. № 10-ЗО.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАРИФОВ НА ОБСЛУЖИВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКАХ

© 2020 **Князева Наталья Владимировна**

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, аудитор, лингвист
Генеральный директор Ассоциации профессиональной судебной экспертизы, Россия, Москва
E-mail: kniazeva@expertforensic.ru

© 2020 **Павлова Ксения Сергеевна**

кандидат экономических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: mrs.pavlova@list.ru

В статье представлена избранная судебная практика по вопросу установления и индексации тарифов на содержание имущества общего пользования коттеджного поселка. Выделена проблема отсутствия законодательных требований, регламентирующих данный вид деятельности. По мнению авторов, введение в законодательство требования обязательного лицензирования деятельности управления коттеджным поселком и соответственно установление требований к уровню квалификации сотрудников управляющей компании, осуществляющей данную деятельность, может значительно повысить качество оказываемых услуг. Другой актуальной проблемой в настоящее время является отсутствие законодательно установленной обязанности публиковать отчетную и иную информацию о деятельности такой управляющей компании. В статье высказывается экспертное мнение о необходимости обеспечения свободного доступа к информации, что позволит обеспечить прозрачность контроля финансовых ресурсов собственников недвижимого имущества, а также анализировать эффективность деятельности управляющей компании. Представлена модель проведения процессуальной (судебной) экспертизы, применяемых управляющей компанией тарифов на основе сопоставления данных бухгалтерского учета о произведенных расходах по конкретному объекту управления и утвержденных общим собранием собственников смет на содержание имущества общего пользования коттеджного поселка.

Ключевые слова: правовое регулирование сферы ЖКХ, управляющая компания, тарифы ЖКХ, эксплуатационные компании, имущество общего пользования, коттеджный поселок, упрощенная система налогообложения, бухгалтерский учет, раздельный учет, общее собрание собственников, многоквартирный дом, товарищество собственников жилья, ТСЖ, ТСН.

При использовании в речевой конструкции как письменной, так и устной термина «коттеджный поселок», который не имеет на момент написания настоящей статьи законодательного определения, субъект, воспринимающий текст, представит себе некую обособленную, чаще охраняемую, зону малоэтажной индивидуальной жилой застройки, состоящую из скопления малоэтажных жилых домов, административных построек и элементов инфраструктуры.

Обычно коттеджный поселок не является отдельным поселением, но имеет собственное название и адрес, соответствующий регистрации созданного товарищества собственников жилья (ТСЖ), товарищества собственников недвижимости (ТСН) или адресу имущества общего поль-

зования. Фактические границы коттеджного поселка могут соответствовать зоне, определенной застройщиком при планировании данного поселка, или проходит по границе участков собственников, объединившихся в ТСЖ (ТСН).

В специальной строительной нормативной терминологии существует понятие зона коттеджной застройки, под которым подразумеваются территории, на которых размещаются отдельно стоящие многоквартирные 1–2–3-этажные жилые дома с участками, как правило, от 800 до 1200 м² и более, как правило, не предназначенными для осуществления активной сельскохозяйственной деятельности существующие на период производства исследования границы [21]. По факту данные размеры могут иметь

иные размеры, однако характеристики этажности объектов недвижимости, расположенных на смежных земельных участках коттеджного поселка, соответствуют объектам индивидуального жилищного строительства, дому блокированной застройки.

В каждом коттеджном поселке существует территория общего пользования, прилегающая к земельным участкам, находящимся в частной собственности владельцев жилых домов. Территория общего пользования обязательно прилегает к зданию, строению, сооружению, земельному участку в случае, если такой земельный участок образован, и границы данной территории определены правилами благоустройства территории муниципального образования в соответствии с порядком, установленным законом субъекта Российской Федерации с присвоением кадастрового номера и имеет иные характеристики. Для обслуживания потребностей жителей поселка, обеспечения нормальной жизнедеятельности, при строительстве коттеджного поселка встраивается инженерная инфраструктура.

Чтобы выяснить состав имущества общего пользования коттеджного посёлка необходимо обратиться к проекту планировки и межевания, в котором указаны контрольные пункты, улицы, тротуары, ограждения и другие элементы. В проектной документации на инженерные коммуникации содержится информация о сетевых коммуникациях, подающих газ, электричество, обеспечивающих водоснабжение и отток канализации, а также узлы технологического присоединения и можно ли к ним подключиться дополнительным участникам в будущем.

Территория общего пользования нуждается в благоустройстве, то есть проведении комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства; инфраструктура поселка требует в свою очередь содержания. Собственники коттеджей, расположенных в границах поселков имеют право создать товарищество собственников жилья, исходя из норм, закреплённых в п.2 ч.2 ст. 136 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее ЖК РФ). При этом отметим, что при буквальном прочтении указанной законодательной нормы для принятия решения о создании товарищества должны участвовать собственники жилых домов, расположенных близко, имеющих общую границу, в пределах которых расположены сети инженерно-технического обеспечения, другие элементы инфраструктуры, которые

предназначены для обслуживания более чем одного жилого дома.

Важно отметить, что в соответствии с нормами ЖК РФ принятие решения о создании ТСЖ, а также об утверждении его устава принимаются по соглашению всех собственников данных домов. Данная юридическая норма приводится нами, с целью подчеркнуть важность участия каждого отдельного собственника для создания ТСЖ или ТСН. При нежелании или простом неучастии одного собственника недвижимости, расположенной в границах коттеджного поселка, очевидно, что ТСЖ создать затруднительно. По мнению практиков, большая часть таких ТСЖ создана с существенными нарушениями, так как невыполнимо условия стопроцентного участия и согласия владельцев жилой недвижимости, расположенной в зоне коттеджного поселка [19].

И территория, и инфраструктура являются имуществом общего пользования, при этом право долевой собственности на данное имущество у владельцев коттеджей не возникает автоматически, как, например, это происходит в многоквартирном доме. Дело об определении права собственности на имущество общего пользования коттеджных поселков дошло в правосудии до Конституционного Суда РФ, который в Постановлении № 23-П от 11.10.2016 г. указал, что закон непосредственно не связывает сам по себе факт приобретения права собственности на индивидуальный жилой дом с возникновением доли в праве собственности на имущество общего пользования [10].

Зависимость бремени содержания имущества общего пользования от наличия права собственности на него породили ряд споров, перешедших в судебную плоскость, вытекающих из несогласия собственников коттеджных поселков содержать имущество, которое фактически им не принадлежит. Однако Конституционный Суд РФ в Определении от 25.06.2019 N 1625-О поставил точку в рассуждениях подобного рода [4]. Приведем коротко суть дела.

Гражданин РФ подал в Конституционный Суд РФ жалобу, в которой указал, что положения ч.2 ст. 154 ЖК РФ, ч.3 ст. 30 ЖК РФ, ст. 210 ГК РФ, п.1 ст. 421 ГК РФ противоречат статьям 19 (часть 1), 34 (часть 2), 35 (часть 2) и 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они возлагают на собственников жилых домов в коттеджном поселке обязан-

ность по содержанию общего имущества, право собственности на которое зарегистрировано за иным лицом, освобождая титульного собственника указанного имущества от расходов на его содержание.

Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы гражданина и указал, что представленными материалами не подтверждается применение в деле с участием заявителя части 2 статьи 154 Жилищного кодекса Российской Федерации, определяющей правила установления платы за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме. Одновременно Судом указано, что конструкция законодательства, сосредоточенная в анализируемых нормах законодательства в части 3 статьи 30 ЖК РФ, в статье 210 ГК РФ направлены на обеспечение сохранности имущества, отвечают интересам собственников данного имущества и сами по себе не могут рассцениваться как нарушающие конституционные права заявителя, указанные в жалобе.

Относительно оценки п.1 ст. 421 ГК РФ Конституционный Суд Российской Федерации указал на позицию, изложенную в Постановлении от 23 февраля 1999 года N 4-П, и указал, что отраженный в п.1 ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора относится к основным началам гражданского законодательства. Указанная норма в ст. 421 ГК РФ направлена на обеспечение свободы договора и баланса интересов его сторон (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 года N 2461-О, от 29 сентября 2016 года N 1875-О и др.). Следовательно, данное законоположение вопреки утверждению заявителя, также не может рассцениваться как нарушающее его конституционные права, перечисленные в жалобе.

Имущество общего пользования зачастую остается в собственности у застройщика, а управление ею передается специальной компанией. При этом расходы на содержание должны нести все пользователи данным имуществом.

Итак, если понимание о правах собственности на имущество общего пользования достигнуто, далее необходимо выработать позицию о его содержании и распределении бремени на фактических пользователей. При наличии зарегистрированного в установленном порядке ТСЖ (ТСН) на территории коттеджного поселка порядок заключения договоров с сервисными компаниями от имени собственником, посредством

созданного ТСЖ, осуществляется по правилам гражданского законодательства. При строительстве коттеджного поселка посредством одного застройщика собственники зачастую получают «в наследство» от застройщика управляющую компанию, которая осуществляет обслуживание имущества общего пользования, право на которое принадлежит застройщику, но фактическое использование и эксплуатацию осуществляют владельцы жилых домов в границах построенного малоэтажного района.

Тарифы, по которым управляющая компания оказывает услуги, и являются нашим целевым объектом, который требует подробного исследования в рамках темы статьи и предмета финансово-экономического экспертного анализа. Рассмотрим сложившуюся практику. Авторы настоящей статьи имеют представление из собственного практического экспертного опыта о сложившейся практике установления тарифов в процессе управления загородной жилой недвижимостью или коттеджными посёлками, находящимися в границах городов и иных населенных пунктов.

Во-первых, следует отметить, что еще категория судебных разбирательств между собственниками жилых домов и управляющими компаниями ведется как по вопросам легитимности присутствия управляющей компании в качестве лица, оказывающего услуги по обслуживанию имущества общего пользования, по поводу установления управляющими компаниями тарифов, а также относительно взыскания сумм неосновательного обогащения с собственников коттеджей, которые не оплачивают услуги содержания инфраструктуры и благоустройства территории.

Если в вопросе определения собственника имущества общего пользования судебная практика при выработанной позиции Конституционного Суда РФ остановилась на несовпадении обстоятельств возникновения права на указанное имущество с практикой долевой собственности на общее имущество в многоквартирных домах, то в вопросах содержания суды применяют аналогию закона с некоторыми особенностями.

Во-первых, суды не игнорируют общее собрание собственников и утвержденные на данных собраниях тарифы. Во-вторых, суды рассматривают данные вопросы с применением ЖК РФ в части правил управления и установления тарифов и их индексации. В-третьих, суды опираются на положения ГК РФ в части доказательства

получения неосновательного обогащения.

Сложилась неоднозначная практика в вопросах, касающихся установления тарифов на содержание имущества общего пользования коттеджных поселков, и их индексации. Например, в Определении № 307-ЭС19-2677 от 05.07.2019 г. по делу № А21-463/2018 Верховный Суд РФ указал, что предусмотренное договором управления одностороннее повышение размера платы в порядке индексации тарифа, в случае наличия данного условия в утвержденном общим собранием собственников договоре управления, является законным. В аналогичном по обстоятельствам случае по делу № А21-6042/2018, завершённый Определением № 307-ЭС19-5652 от 08.08.2019 г. Верховного Суда РФ выражена противоположная позиция. Суд констатировал, что действия общества по начислению платы за содержание жилья в размере не могут быть отличными от определенного протоколом общего собрания собственников помещений, а управляющая компания не имеет права самостоятельно увеличивать размер платы даже посредством утвержденной индексации, без отдельного решения общего собрания.

В данной статье мы бы хотели привлечь внимание к двум дополнительным проблемам, которые существуют в следствие пробела в законодательстве, выраженного в отсутствии регулирования деятельности управляющих компаний, которые ведут ее в сфере управления коттеджными поселками.

Первая проблема: отсутствие законодательных требований лицензирования деятельности управляющих компаний приводит к необязательности наличия сотрудников в данных организациях, квалификация которых, должна быть подтверждена при получении лицензии на управление, как это предусмотрено в деятельности управления многоквартирным домом.

Вторая проблема: необязательность публикации отчетной информации о деятельности управляющей компании лишает собственников контроля за деятельностью и возможности получения важной финансовой информации о деятельности компании.

Учитывая позицию Верховного суда РФ, в соответствии с которой нормы закона распространяются по аналогии на управляющие компании, управляющие коттеджным поселком [20], по нашему мнению, требования законодательства, обязывающие публиковать отчетность, установ-

ленные в п. 11 ст. 162 Жилищного кодекса РФ справедливо распространить и на организации, управляющие коттеджными поселками, не имеющие лицензии. При этом проблему лицензирования или иного способа регулирования необходимо поднимать и решать, как было указано выше.

В п. 1 ст. 162 ЖК РФ указано, что договор управления многоквартирным домом заключается с управляющей организацией, которой предоставлена лицензия на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами в соответствии с требованиями ЖК РФ. В соответствии с диспозицией закона, если иное не установлено договором управления многоквартирным домом, управляющая организация ежегодно в течение первого квартала текущего года представляет собственникам помещений в многоквартирном доме отчет о выполнении договора управления за предыдущий год, а также размещает указанный отчет в системе.

Отсутствие лицензии у организации на управление многоквартирным домом, соотносится с требованиями главы 19 ЖК РФ и положениями Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» с учетом особенностей, установленных ЖК РФ и в подзаконных актах. Одновременно организация процедуры лицензирования и контроль за выполнением лицензионных требований возложена Правительством РФ на уполномоченный федеральный орган, а именно на Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [14].

Изучая требования пунктов 1 и 11 статьи 162 ЖК очевидно, что договор не может быть заключен при отсутствии лицензии. Исходя из системного толкования требований и с учетом сложившейся правоприменительной практики, деятельность государственного органа по лицензированию (или отсутствие таковой деятельности) не определяет необходимость публикации финансовой отчетности и иных требований, которые возлагаются на управляющую организацию коттеджным поселком, которая в свою очередь возникает из правоприменительной практики, базирующейся в настоящее время на аналогии законодательства.

По нашему мнению, иное толкование обязанностей публикации финансовой отчетности будет ущемлять права собственников общего

имущества коттеджного поселка, установленные в ст. 24 Конституции РФ, ЖК РФ, ГК РФ, а также п.40 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, по содержанию и по ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 N 491 [12].

Таким образом, целесообразно публиковать финансовую отчетность и иную обязательную информацию одним из установленных в законодательстве способов.

В соответствии с ч. 10 ст. 161 Жилищного кодекса РФ управляющая организация должна обеспечить свободный доступ к информации об основных показателях ее финансово-хозяйственной деятельности, об оказываемых услугах и о выполняемых работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, о порядке и об условиях их оказания и выполнения, об их стоимости, о ценах (тарифах) на ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг, в соответствии со стандартом раскрытия информации, утвержденным Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 3 Стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 23.09.2010 N 731 (далее — Стандарт), управляющая организация обязана раскрывать определенные виды информации и общую информацию об управляющей организации, в том числе об основных показателях финансово-хозяйственной деятельности (включая сведения о годовой бухгалтерской отчетности, бухгалтерский баланс и приложения к нему, сведения о доходах, полученных за оказание услуг по управлению многоквартирными домами (по данным раздельного учета доходов и расходов), а также:

- сведения о расходах, понесенных в связи с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами (по данным раздельного учета доходов и расходов); перечень многоквартирных домов, управление которыми осуществляет управляющая организация, с указанием адреса и основания управления по каждому много-

квартирному дому, перечень многоквартирных домов, в отношении которых договоры управления были расторгнуты в предыдущем году, с указанием адресов этих домов и оснований расторжения договоров управления;

- общую информацию о многоквартирных домах, управление которыми осуществляет управляющая организация, в том числе характеристику многоквартирного дома (включая адрес многоквартирного дома, год постройки, этажность, количество квартир, площадь жилых и нежилых помещений и помещений, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, уровень благоустройства, серию и тип постройки, кадастровый номер (при его наличии), площадь земельного участка, входящего в состав общего имущества в многоквартирном доме, конструктивные и технические параметры многоквартирного дома), а также информацию о системах инженерно-технического обеспечения, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме;

- информацию о выполняемых работах (оказываемых услугах) по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме и иных услугах, связанных с достижением целей управления многоквартирным домом, в том числе сведения о стоимости указанных работ (услуг) и иных услуг;

- информацию об оказываемых коммунальных услугах, в том числе сведения о поставщиках коммунальных ресурсов, установленных ценах (тарифах) на коммунальные ресурсы, нормативах потребления коммунальных услуг;

- информацию об использовании общего имущества в многоквартирном доме;

- информацию о капитальном ремонте общего имущества в многоквартирном доме; информацию о проведенных общих собраниях собственников помещений в многоквартирном доме, результатах (решениях) таких собраний;

- отчет об исполнении управляющей организацией договора управления, отчет об исполнении смет доходов и расходов товарищества, кооператива за год;

- информацию о случаях привлечения управляющей организации, должностного лица управляющей организации к административной ответственности за нарушения в сфере управления многоквартирным домом с приложением копий документов о применении мер административного воздействия, а также сведе-

ния о мерах, принятых для устранения нарушений, повлекших применение административных санкций.

Финансирование деятельности управляющей компании осуществляется собственниками имущества, имеющими отношение к эксплуатации инфраструктуры коттеджного поселка, посредством взимания ежемесячных платежей, которые устанавливаются в виде тарифов, и общая сумма платежа каждого владельца недвижимости исчисляется пропорционально площади собственности.

Порядок тарификации и возможности их индексации касается механизма формирования цены на содержание имущества общего пользования. Проблема взыскания стоимости содержания с собственников помещений, находящихся в границах каждой зоны малоэтажной индивидуальной жилой застройки, выливается в судебное разбирательство, где суд должен выяснить конкретную стоимость, сбереженную собственником жилого дома, состоящую из денежной стоимости, потребленных и неоплаченных услуг. Судебные перспективы подобных дел в настоящее время приходят к необходимости проведения судебной экспертизы в области экономики и финансов для определения реальности полученных услуг в натуре, необходимости их получения каждым собственником в целях проживания или пользования имуществом, находящимся в поселке, объективности установления их размера, правильности проведения расчетов управляющей организацией за спорный период и выяснением суммы долга по состоянию на определенную дату.

Управляющая организация, являющаяся коммерческой по законодательству Российской Федерации, преследует цель — ведение деятельности с определенным уровнем рентабельности. Следовательно, о банальном возмещении расходов, понесенных ею на содержание имущества общего пользования рассуждать не логично. Управляющая компания обычно имеет организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с ч.1 ст. 50 ГК РФ целью такой организации является извлечение прибыли. Управляющая компания должна иметь в составе видов деятельности выполнение хозяйственно-эксплуатационных функций, связанных с санитарно-техническим содержанием многоквартирных домов, (далее по тексту МКД). Если в управлении такой орга-

низации находится коттеджный поселок, то на основании сложившейся правоприменительной практики подобная деятельность в основных аспектах регулируется положениями законодательства по управлению МКД.

Правила ведения коммерческой деятельности управляющими организациями содержатся в нормах гражданского законодательства. Налоговые рамки и правила налогообложения сосредоточены в кодифицированном акте, регулирующим налоговые правоотношения. Специальные нормы, относительно деятельности управления МКД выделены в кодифицированном жилищном законодательстве и ряде подзаконных актов.

В соответствии со специальными нормами, регулирующими жилищные тарифы, размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме определяется с учетом предложений управляющей организации и устанавливается на срок не менее чем один год (п.7 ст. 156 ЖК РФ).

Анализируя системно законодательство в части правил ценообразования, мы принимаем во внимание: пункт 2 ст. 709 ГК РФ устанавливает, что «цена в договоре подряда включает компенсацию издержек подрядчика и причитающееся ему вознаграждение»; агентские отношения воспринимают правила и нормы, установленные для комиссионных отношений и договоров поручения (ст. 1011 ГК РФ), согласно ст. 1001 ГК РФ комитент обязан помимо уплаты комиссионного вознаграждения возместить комиссионеру израсходованные им на исполнение комиссионного поручения суммы; статья 1023 ГК РФ предусматривает, что «доверительный управляющий имеет право на вознаграждение, предусмотренное договором доверительного управления имуществом, а также на возмещение необходимых расходов, произведенных им при доверительном управлении имуществом, за счет доходов от использования этого имущества».

Исходя из законодательных норм, определяющих правила ведения деятельности, права и обязанности коммерческих организаций, а также принимая во внимание специальные нормы, регулирующие деятельность по управлению, традиционным является включение в состав цены договоров о выполнении работ и оказании услуг двух составляющих: вознаграждения и издержек (расходов).

Размер платы за содержание и ремонт жилого помещения — результат договоренности

сторон договора управления многоквартирным домом. Управляющая организация не может в одностороннем порядке (без согласования с собственниками помещений, выражающегося в принятии решения их общим собранием) устанавливать и (или) изменять размер платы.

При установлении цены содержания и ремонта жилого помещения первичен перечень работ и услуг. Перечень услуг и работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, порядок изменения такого перечня являются существенными условиями договора управления (п. 3 ст. 162 ЖК РФ). Указанный перечень подлежит утверждению на общем собрании собственников помещений (п. 17 Правил содержания и ремонта общего имущества). Все минимально необходимые работы по обслуживанию многоквартирных домов перечислены в Правилах эксплуатации жилфонда, утвержденных Постановлением Госстроя России от 27.09.2003 № 170 [9]. Также в качестве основы при разработке перечня работ и услуг для конкретного дома можно воспользоваться Приложением 2 к Правилам проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 06.02.2006 № 75 [13]. Действующее жилищное законодательство предполагает, что перечень услуг и работ по содержанию и ремонту общего имущества устанавливается для каждого конкретного многоквартирного дома с учетом его характеристик. Соответственно, и размер платы будет индивидуальным для каждого дома.

При анализе ценообразования эксперт может ориентироваться на научно обоснованные методики и результаты исследований. Принимая во внимание мнение авторитетных ученых, а также используя экспертные оценки, эксперт опирается на положения, что в современной практике в ЖКХ общепринятым является затратное ценообразование, в соответствии с которым тариф определяется как сумма нормативных затрат на оказание различных жилищно-коммунальных услуг и прибыли, определяемой исходя из установленной нормативной рентабельности, в расчете на один квадратный метр жилых (нежилых) помещений [2]. Соответственно цена жилищно-коммунальной услуги для получателя (потребителя) рассчитывается исходя из площади используемого жилого (нежилого) помещения в

многоквартирном доме (перемножением тарифа на количество квадратных метров помещения). Считается, что затратный метод ценообразования в ЖКХ объективно является наиболее эффективным, однако требующим соответствующего экономического обоснования при определении каждой составляющей тарифа.

Очевидно, что предлагаемый собственникам помещений размер платы должен быть обоснованным и должен обеспечивать управляющей организации рентабельность. Чтобы соблюсти право потребителей на изменение размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ ненадлежащего качества, стоимость каждой услуги и работы должна быть определена отдельно. Причем такая детализация целесообразна в договоре управления (и, соответственно, в отчете управляющего перед собственниками помещений), в то время как в платежном документе, как правило, не требуется разделять плату за содержание и ремонт жилого помещения на составляющие.

Порядок проведения процессуальной (судебной) экспертизы или внепроцессуального исследования примененных управляющей компанией тарифов.

Судебная (процессуальная) экспертиза или внепроцессуальное исследование примененных управляющей компанией тарифов, проводится в следующем порядке:

- 1) Анализ статей затрат в бухгалтерском учете, формирующих себестоимость услуг управляющей компании.
- 2) Исследование первичной документации управляющей компании, подтверждающей факт несения расходов в рамках договоров с поставщиками товаров, работ и услуг.
- 3) Сопоставление произведенных расходов по определенному объекту управления сметам (расчетов платы ставки тарифов) на содержание коттеджного поселка (далее по тексту — Смета), проверка уровня рентабельности по данному объекту.
- 4) Проверка правильности выставления счетов по утверждённым тарифам, с учетом установленного уровня рентабельности.
- 5) Проверка расчетных операций с конкретными лицами, указанными в определении суда о назначении судебной (процессуальной) экспертизы или в договоре о производстве внепроцессуального исследования
- 6) Оформление результатов исследования

в заключении эксперта по форме, отвечающей процессуальным требованиям, с формулировкой четких и однозначных выводов по поставленным судом вопросам или оформление иного итогового документа, (например, акта) по результатам внепроцессуального исследования.

Порядок бухгалтерского и налогового учета управляющая компания утверждает в учетной политике организации согласно требованиям законодательства РФ [3, 22]. Применение учетной политики компаниями ведется последовательно каждый календарный год. Допущение последовательности применения документа в организации предусмотрено в п. 5 ПБУ 1/2008. Изменения учетной политики производится по основаниям, указанным в п. 10 ПБУ 1/2008 согласно ч.6 ст.8 Закона «402-ФЗ, к ним относятся [16, 22]:

- изменение норм законодательства по бухгалтерскому учету;
- разработка предприятием новых способов ведения бухгалтерского учета;
- существенные нововведения в условиях хозяйствования экономического субъекта, например, изменения связанные с реорганизацией деятельности или изменения видов деятельности и т.д.

Не все компании своевременно актуализируют учетную политику с учетом законодательных изменений, что может приводить к неверному отражению данных в отчетности и иной финансовой информации. Например, в случае с управляющей компанией, это может привести к неверному включению расходов в себестоимость услуг, которые затем отразятся в отчете об исполнении смет доходов и расходов управляющей компании за год (далее по тексту — Отчет об исполнении смет).

Обновление учетной политики необходимо не только для целей бухгалтерского учета, но и для целей налогового учета [3]. Изменения в налоговом российском законодательстве происходят регулярно, также меняется правоприменительная судебная практика. В связи с этим управляющей компании, как и всем юридическим лицам, необходимо отслеживать нововведения в законодательстве о налогах и сборах и вносить коррективы в учетную политику, что позволит верно сформировать налоговую базу, правильно учесть доходы и расходы для целей налогообложения.

При расчете чистой прибыли и включении в

смету (расчет платы ставки тарифов) на содержание коттеджного поселка пункта рентабельности налогоплательщик также должен учитывать специфику действующего налогового законодательства. Согласно п. 12 ст. 167, ст. 313 НК РФ [3], письмам Минфина России от 08.12.2017 г. № 03-03-06/1/81943 [6] и от 03.07.2018 г. № 03-03-06/1/45756 [5], для налогоплательщиков хозяйствующих субъектов является обязательным внесение изменений в учетную политику для целей налогообложения, если данный налогоплательщик решил изменить способ (метод) учета объекта налогообложения. Отметим, что в этом случае изменения вступают в законную силу не ранее нового налогового периода. Изменение законодательства о налогах и сборах — вторая причина внесения изменений в учетную политику организации для целей налогообложения [3, 5-6].

Как показывает практика, управляющие компании чаще всего относятся к субъектам малого предпринимательства, при условии, что количество сотрудников у организаций составляет менее 100 человек (ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 N 209-ФЗ) [23]. По показателям значений доходов управляющие компании в большинстве своем также относятся к малым предприятиям, так как их доходы от предпринимательской деятельности не превышают 800 млн. рублей в год, согласно критериям отнесения бизнеса, к субъектам малых предприятий, установленным в Постановлении Правительства РФ от 04.04.2016 N 265 [11]. Отнесение к определенной категории субъектов предпринимательства позволяют управляющим компаниям применять специальный налоговый режим — упрощенную систему налогообложения (далее — УСН) как выгодную альтернативу общему режиму.

При выборе УСН управляющей компанией должны соблюдаться ограничения, установленные ст. 346.12 НК РФ: доходы организации не должны превышать 150 млн. руб. в течении одного налогового периода; остаточная стоимость основных средств не должна быть более 150 млн. руб., численность сотрудников должна быть менее 100 человек. Выбор УСН для управляющих компаний выгоден экономически. УСН заменяет налог на прибыль, основная ставка которого составляет 20%, на упрощенный налог при выборе объекта налогообложения «Доходы», где ставка составляет — 6%, при выборе объекта «Доходы, уменьшенные на величину расходов» — ставка

соответственно составляет 15% (п.1 ст. 346.14 НК РФ). Компании на УСН освобождаются от уплаты НДС, налога на прибыль организации, что также влияет на снижение налоговой нагрузки и на сокращение документооборота. Налог на имущество компании на УСН уплачивают только с недвижимых объектов собственности организации. При условии, что налоговая база в отношении этого имущества определяется как его кадастровая стоимость (ст. 374 НК РФ) [3]. Выбор режима налогообложения управляющая компания фиксирует в соответствующей учетной политике в целях налогообложения.

С одной стороны, возможно применение объекта налогообложения «Доходы», если шестипроцентная нагрузка на платежи собственников недвижимого имущества является для них посылкой и согласованной.

С другой стороны, ввиду наличия постоянных и переменных производственных расходов у управляющей компании, объектом налогообложения могут быть выбраны доходы, уменьшенные на величину расходов, в соответствии с правом предоставленным налогоплательщикам п.2 статьи 346.14 НК РФ. Расходы, указанные в пункте 1 статьи 346.14, принимаются при условии их соответствия критериям, указанным в пункте 1 статьи 252 НК РФ.

В соответствии с п.1 ст. 252 НК РФ расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, понесенные налогоплательщиком. Под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме. Под документально подтвержденными расходами понимаются затраты, подтвержденные документами, оформленными в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо документами, оформленными в соответствии с обычаями делового оборота. При этом расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Методы признания расходов на выполнение работ и оказание услуг учитывается согласно п. 19 ПБУ 10/99 с использованием аналогии учета услуг по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме [15]. Учет расходов на выполнение работ и оказание услуг по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, квалифицируемые как расходы по обычным видам деятельности согласно

ПБУ 10/99, ведется на счете 20 по статьям затрат.

Состав прямых расходов организации устанавливаются в учетной политике для целей налогообложения согласно ст. 318 НК РФ. Прямые расходы на производство и реализацию продукции, работ, услуг распределяются по видам деятельности по решению организации. Например, коммунальные услуги: газ, холодное водоснабжение, водоотведение, электроснабжение; услуги по содержанию коттеджного поселка, услуги по ремонту, услуги по управлению общим имуществом, где расположены системы энергоузлов, охранные услуги и прочие услуги.

Себестоимость услуг управляющей компании включает в себя статьи затрат, которые отражаются двойной бухгалтерской записью в учете Дт 20 (26) Кт (10,60,69,71,76) согласно Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций, в соответствии с наименованиями [8]:

- Счет 20 «Основное производство»;
- Счет 26 «Общехозяйственные расходы»;
- Счет 10 «Материалы»;
- Счет 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками»;
- Счет 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению»;
- Счет 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда»;
- Счет 71 «Расчеты с подотчетными лицами»;
- Счет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами».

В конце каждого отчетного периода затраты переносятся бухгалтерской записью Дт 90 Кт 20 (26), счета затрат в деятельности по оказанию услуг в большинстве случаев остатка иметь не могут, (счет 90 «Продажи»). Экономический смысл бухгалтерской записи данного вида заключается в уменьшении доходов организации на величину расходов.

Особое внимание эксперту следует уделять составу расходов, включенных в себестоимость услуг, проверять их производственный характер и оправданность стоимости услуг. Эксперту необходимо убедиться в документальном подтверждении расходов, а именно в наличии первичной документации по сделкам за исследуемый период и договоров с поставщиками товаров, работ и услуг, если это не разовые операции.

В случае, если эксперту на разрешение поставлен вопрос о рыночной стоимости по-

требуемых управляющей компанией услуг, (например, уборка территории сторонними организациями), то эксперт проводит соответствующее сопоставление, обосновывая выбранную среднюю рыночную цену аналогичных услуг для сравнения. Если данный вопрос о сопоставлении цен не был задан эксперту, но эксперт обратил внимание на серьезные несоответствия, то он имеет право в части привлечения внимания указать это в составе своих выводов.

У управляющей компании может быть несколько объектов учета, связанных с получением доходов от управления, одновременно по обычным и прочим видам деятельности, что предполагает ведение раздельного учета доходов и расходов. Например, кроме управления общим имуществом коттеджного поселка, управляющая организация может получать доход от сдачи в аренду имущества, не связанного с данным коттеджным поселком. Бухгалтерский (и налоговый) учет доходов будет вестись в разрезе субсчетов:

1. доходы от реализации по услугам управления коттеджным поселком по соответствующему ОКВЭД, указанному в выписке ЮГРЮЛ в виде основного вида деятельности;
2. доходы по другим видам деятельности (по дополнительным ОКВЭД);
3. доходы от внереализационной деятельности (ст.250 НК РФ) [3].

Раздельный учет доходов должен быть организован в соответствии с нормами НК РФ, а именно: ст. 248 НК РФ, для компаний, применяющих общий режим налогообложения, и ст. 346.15 НК РФ, для организаций на упрощенной системе налогообложения.

Расходы будут учитываться также в разрезе раздельного учета пропорционально как: расходы от реализации по каждому объекту учета, внереализационные и прочие расходы (ст. 274 НК РФ) [3].

Проблемным вопросом является признание общехозяйственных расходов для целей налогообложения и включение их в затраты по основному виду деятельности управляющей компании, если такие расходы невозможно распределить пропорционально по конкретному виду деятельности. В подобном случае, согласно п. 1.1 ст. 272 НК РФ при методе начисления такие расходы распределяются пропорционально доле дохода по соответствующему виду деятельности организации в суммарном объеме всех доходов пред-

приятия. Так как НК РФ не установлена методика ведения раздельного учета доходов и расходов, то налогоплательщик вправе самостоятельно выбрать порядок их учета, который позволит разграничить полученные доходы и понесенные расходы по видам деятельности организации, и в частном случае управляющей компании в том числе. Данная позиция отражена в письме Минфина России от 09.02.2016 № 03-03-06/1/6641 [7]. Такой подход актуален также для компаний, применяющих кассовый метод при определении доходов и расходов, и для предприятий на УСН (см. ст 273 НК РФ и ст.346.17) [3].

При сопоставлении произведенных расходов по определенному объекту управления данным Смет, утвержденных общим собранием собственников имущества коттеджного поселка, экспертом исследуются затраты, которые были учтены в бухгалтерском учете при формировании себестоимости услуг. Некоторые управляющие компании дополнительно формируют экономические таблицы, где распределяются понесенные организацией расходы по статьям Отчета об исполнении сметы. Поэтому при проведении судебной экспертизы или внепроцессуального исследования, эксперт должен обращать внимание на принятый порядок учета расходов в организации. В случае если статьи затрат из Сметы не коррелируются с данными бухгалтерского учета или с данными экономических таблиц напрямую, эксперт должен самостоятельно сопоставить эти данные, чтобы удостовериться, что фактически понесенные расходы управляющей компании за исследуемый период соответствуют направлениям расходов, утвержденным общим собранием собственников.

Следующим этапом, является проверка уровня рентабельности управляющей компании, расчётный показатель которой может включаться в Смету. Показатель рентабельности рассчитывается экспертом, исходя из данных бухгалтерской (финансовой отчетности), как отношение прибыли управляющей компании до налогообложения и ее показателя выручки за исследуемый период, результат приводится в процентном соотношении. При расчете показателей рентабельности услуг эксперт должен учесть не только реальные расчетные показатели деятельности управляющей компании, но и уровень рентабельности, который определен для календарных периодов ФНС России [18] и является рекомендованным показателем. Дан-

ные расчетные показатели исчислялись как средний уровень по отрасли на основании статистического наблюдения и изучения. Тем не менее данный показатель может быть уместно использован для получения мнения о прибыльности компании с точки зрения обычных среднестатистических данных. Данные показатели рассчитываются ФНС России ежегодно. Так, например, уровень рентабельности проданных товаров, продукции, работ, услуг и рентабельность активов организаций по виду экономической деятельности — деятельность по операциям с недвижимым имуществом — должна составлять 15,4% по данным ФНС России на 2016 г [1].

При исследовании примененного управляющей компанией уровня рентабельности эксперт должен полагаться не только на данные бухгалтерского учета, но и на опубликованную бухгалтерскую финансовую отчетность, сопоставляя информацию, содержащуюся в оборотно-сальдовой ведомости и формах бухгалтерской отчетности. О необходимости публикации отчетности управляющих компаний мы упоминали выше. Состав промежуточной и годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности зависит от размера организации [17, 22]. Промежуточную отчетность сдают организации, в чьем уставе учредители зафиксировали такую особенность. Малые компании сдают отчетность по упрощенным формам. Согласно нормам ПБУ 4/99 к годовой бухгалтерской отчетности относятся:

1. бухгалтерский баланс;
2. отчет о прибылях и убытках;
3. приложения к бухгалтерскому балансу и отчету о прибылях и убытках и пояснительная записка;
4. аудиторское заключение, которое подтверждает достоверность бухгалтерской отчетности организации (этот пункт относится к организациям, которые подлежат обязательному аудиту согласно ФЗ № 307 «Об аудиторской деятельности») [24].

Управляющие компании, отнесенные к субъектам малого предпринимательства, как и другие малые предприятия имеют право представлять раз в год упрощенную бухгалтерскую (финансовую) отчетность согласно п. 4 ст. 6 Федерального закона от 06.12.2011 N 402-ФЗ. Коммерческие организации, которые применяют упрощенный способ ведения бухгалтерского учета, составляют только бухгалтерский баланс

и отчет о финансовых результатах.

Основной задачей сопоставления понесенных затрат организации с направлениями расходов, утвержденным общим собранием собственников в Смете является подтверждение правильности расчета тарифа, применяемого управляющей компанией за рассматриваемый период времени. Тарифы рассчитываются на 1 кв. метр недвижимости, расположенной на территории коттеджного поселка и находящейся в собственности у определенных лиц. Установленные тарифы могут изменяться в связи с переоценкой условий оказания услуг, изменением общей площади коттеджного поселка, сменой поставщиков и подрядчиков, введением дополнительных услуг. Все изменения в Сметах должны утверждаться собственниками коттеджного поселка на общем собрании с проведением голосования по вопросам, включенных в повестку и фиксацией результатов в соответствующем протоколе. Очевидно, что эксперту необходимо изучить всю документацию, связанную с утверждением Смет и сопоставить назначения установленных тарифов с размером ставки в рублях и периодом действия этих тарифов в рамках проведения судебной (процессуальной) экспертизы или внепроцессуального исследования.

Для подтверждения правильности выставления счетов по утвержденным тарифам с учетом установленного и согласованного с собственниками недвижимости уровня рентабельности эксперту необходимы расчетные документы управляющей компании — квитанции и персонализированные данные по расчетам размера платы за жилое помещение, коммунальные услуги, содержание имущества общего пользования и иные услуги, документы о полученных денежных средствах от конкретных лиц в адрес управляющей компании. Все вопросы, адресованные эксперту для исследования, должны быть указаны в определении суда о назначении экспертизы или в договоре на проведение внепроцессуального исследования. В случае, если судебный спор ведется в отношении определенных собственников, относительно предъявленных им к оплате сумм на содержание имущества общего пользования, то целесообразно также рассмотреть и произвести проверку правильности начисления тарифов по исследуемому периоду в адрес других собственников коттеджного поселка, чье имущество соизмеримо

по размерам площади и условиям расположения с имуществом исследуемых лиц. Также необходимо убедиться, что собственники недвижимости участвуют в эксплуатации имущества общего пользования и, следовательно, расходы на его содержание нести обязаны. Такое сопоставление позволит подтвердить или опровергнуть равнозначность и правильность применения тарифов и распределения сумм в адрес определенных лиц, произведения расчетов между собственниками и управляющей компанией.

Порядок проведения судебной экспертизы и внепроцессуального исследования в различных юридических процессах отличается процедурными нормами, содержащимися в процессуальном законодательстве. При этом, методика проведения исследования правильности установления и применения тарифов управляющей компании в отношении содержания имущества общего пользования будет одинакова. Итоговым этапом экспертизы является оформление результатов исследования в документальном виде: по результатам судебной (процессуальной) экспертизы должно быть составлено заключение эксперта, по результатам внепроцессуального исследования иной итоговый документ, например, акт внепроцессуального исследования.

В итоговом документе, (в заключении эксперта или в акте внепроцессуального исследования), эксперт или эксперты выражают свою мотивированную позицию, полученные результаты и выводы. По нашему мнению, выводы должны содержать четкие и однозначные формулировки, не позволяющие рассуждать о вероятности установленных фактов и обстоятельств. Помимо представления выводов, в итоговом документе описываются объекты и материалы исследования, перечень нормативных документов, иных значимых для исследования источников; примененные методы и приемы исследования; результаты исследования. В приложениях к итоговому документу могут содержаться иллюстративные материалы, копии исследуемых документов, которые имеют значение для целей экспертизы и упомянуты в тексте заключения.

Выводы.

Коттеджные поселки — любимый многими и довольно популярный вид недвижимости. Такое поселение совмещает в себе удобство городской инфраструктуры, ухоженные территории с природным ландшафтом и индивидуальные объекты строительства. Справедливо, что вопросы, связанные с наличием управляющей компании

на такой территории и выполнением ею услуг по обслуживанию целевого объекта, формированию тарифов на оказанные услуги, сегодня актуальны. Разногласия между собственниками недвижимого имущества коттеджного поселка и управляющей компанией по управлению общим имуществом решаются в досудебном и судебном порядке. Интерес к данной теме и неоднозначность разрешения спорных ситуаций подтверждены различной судебной практикой. Проведение судебной (процессуальной) экспертизы или внепроцессуального исследования в области экономики и финансов позволяет объективно оценить справедливость применяемых и размер установленных управляющей компанией тарифов, проверить правильность начисления платы за услуги управляющей компании коттеджным поселком в адрес лиц, эксплуатирующих имущество общего пользования, установить факт наличия долга и определить его реальную сумму со стороны собственников имущества перед управляющей компанией.

Авторы в процессе исследования пришли к следующим выводам:

- 1) законодательно не определено понятие коттеджного поселка и перечня имущества, включаемого в общее имущество коттеджного поселка;
- 2) оказание услуг по управлению имуществом общего пользования в коттеджном поселке целесообразно отнести к лицензируемым видам деятельности, по аналогии с деятельностью по управлению многоквартирными домами;
- 3) с целью соблюдения прав собственников, справедливо будет законодательно закрепить обязательства по публикации отчетной информации о деятельности управляющей компании, что позволит пользователям имущества иметь дополнительный контроль за деятельностью и даст возможность получения важной финансовой информации о деятельности управляющей компании;

В статье описан порядок проведения судебной (процессуальной) экспертизы или внепроцессуального исследования в области экономики и финансов, где объектом исследования выступают примененные управляющей компанией тарифы, их уровень и начисление платы по данным тарифам лицам, осуществляющим эксплуатацию имущества общего пользования. В модели исследования авторами учтены требования российского законодательства по бухгалтерскому учету и налогообложению.

Библиографический список

1. Информация Федеральной налоговой службы от 11 мая 2017 г. «Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности, в процентах (актуализировано с учетом данных за 2016 г. в соответствии в пунктом 6 приказа ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@)» // СПС.Гарант // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71575268/> (Дата обращения 22.11.2020).
2. Каменева Е.А. «Формирование цен и тарифов на услуги управляющей организации в жилищно-коммунальном хозяйстве» // Ценообразование в ЖКХ. — 2012. — № 35(511). — с. 40–45.
3. Налоговый Кодекс Российской Федерации часть вторая (с изменениями на 9 ноября 2020 года), (редакция, действующая с 15 ноября 2020 года)
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 N 1625-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Спичака Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 30, частью 2 статьи 154 Жилищного кодекса Российской Федерации, статьей 210, пунктом 1 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации»
5. Письмо Минфина РФ от 03.07.2018 № 03-03-06/1/45756 11 июля 2018 «О внесении изменений в учетную политику для целей налога на прибыль».
6. Письмо Минфина РФ от 08.12.2017 № 03-03-06/1/81943 11 января 2018 «Об определении и учете прямых и косвенных расходов в целях налога на прибыль и изменении метода учета затрат».
7. Письмо Минфина России от 09.02.2016 № 03-03-06/1/6641 «Налоговый учет организаций — участников свободной экономической зоны»
8. План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций, утвержденным Приказом Минфина РФ от 31.10.2000 N 94н (ред. от 08.11.2010)
9. Постановление Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. N 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» вместе с утвержденными Правилами / СПС. Гарант. // URL: <https://base.garant.ru/12132859> (Дата обращения 23.10.2020).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова»
11. Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 N 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства»
12. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 N 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность»
13. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2006 г. N 75 «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» (с изменениями и дополнениями) / СПС. Гарант. // URL: <https://base.garant.ru/12144905/> (Дата обращения 23.10.2020).
14. Приказ Минстроя России от 30.08.2017 N 1186/пр «Об утверждении Административного регламента по исполнению Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации государственной функции по осуществлению контроля за соблюдением органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими региональный государственный жилищный надзор, требований к лицензированию предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2017 N 49279)
15. Приказ Минфина РФ от 6 мая 1999 г. N 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99»
16. Приказ Минфина России от 06.10.2008 N 106н (ред. от 07.02.2020) «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету» (вместе с «Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)», «Положением по бухгалтерскому учету «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008)») (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2008 N 12522)
17. Приказ Минфина РФ от 6 июля 1999 г. N 43н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» ПБУ 4/99» (с изменениями и дополнениями)

18. Приложение № 3 к Приказу ФНС России от 30.05.07 № ММ-3-06/333 «Информация Федеральной налоговой службы от 23 мая 2019 г. «Среднеотраслевые показатели, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность налогоплательщиков за 2018 год» // СПС Гарант / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72147454/> (Дата обращения 24.10.2020 г.)
19. См., например, Султанов Р. Некоторые спорные вопросы управления загородной недвижимостью: проблемы создания ТСЖ и их последствия // Жилищное право. 2017. № 3. С. 55–65.
20. См., например, Определение ВС РФ от 10 апреля 2019 г. № 303-ЭС19–3298, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 января 2019 г. № Ф03–5262/18
21. СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01–89*, (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 N 1034/пр), М., 2016.
22. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020)
23. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»
24. Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 26.11.2019, с изм. от 01.04.2020) «Об аудиторской деятельности»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

УДК: 341

DOI: 10.14451/2.148.49

УПРОЩЕНИЕ ПРОЦЕДУР ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-2019

© 2020 **Климова Ирина Александровна**
аспирант кафедры международного права
МГИМО (У) МИД, Россия, Москва
E-mail: irinaklimova333@gmail.com

Статья посвящена актуальному вопросу предотвращения и преодоления негативных последствий пандемии коронавируса с помощью мер по упрощению процедур торговли. Новизна работы заключается в том, что в условиях недавнего появления и стремительного распространения пандемии какие-либо научные исследования на заявленную тему не проводились. В статье проанализированы положения ключевых международных договоров относительно поставок гуманитарной помощи и мер по упрощению процедур торговли, выделены наиболее эффективные из таких мер в контексте защиты жизни и здоровья населения, равно как и восстановления цепей поставок и мировой экономики в целом.

Ключевые слова: Упрощение процедур торговли, пандемия COVID-2019, гуманитарная помощь, цепь поставок, мировая торговля, электронный документооборот, СВПТ ВТО, Пересмотренная Киотская конвенция.

Пандемия коронавируса (COVID-2019), стремительно распространившаяся в 2020 году в большинстве стран мира, значительно повлияла на экономику и, соответственно, на международную торговлю как одну из ее составляющих. Оценки экономических последствий пандемии крайне негативны: так, по расчетам Всемирного банка мировой ВВП может снизиться на 3,9%, а в развивающихся странах — на 4–6,5% [6]. В свою очередь, прогнозируемое снижение объема мировой торговли составляет от 13% до 32% [10]. В большой степени такие прогнозы обусловлены ростом торговых издержек ввиду перебоев в логистике, транспортном сообщении, увеличения количества требований к документообороту в рамках внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД) и усиления контроля на границах, вызванном противоэпидемическими мероприятиями.

Все эти обстоятельства, в конечном счете, оказывают негативное влияние на глобальные производственные цепи, от поддержания функционирования которых зависит не только решение экономических проблем, но и обеспечение безопасности, сохранение жизни и здоровья населения. В условиях пандемии особенно важно поддержание бесперебойного и быстрого перемещения медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты, продуктов питания, грузов гуманитарной помощи пострадавшим странам. Такое сужение круга перевозимых то-

варов зачастую влечет перегрузки цепей поставок, и без того затронутых снижением скорости очистки грузов [11], усилением контроля, задержками на границах и, зачастую, их закрытием.

Представляется возможным выделить следующие основные проблемы в сфере мировой торговли, вызванные пандемией. В первую очередь, это сужение трансграничных торговых потоков в результате введенных транспортных ограничений и закрытия границ, что влечет за собой задержки и разрывы цепей поставок. Во-вторых, это сложности, вызванные усилением защиты от заражения коронавирусной инфекцией работников таможенных и других компетентных государственных органов, а также участников ВЭД (социальное дистанцирование, ношение средств индивидуальной защиты — масок, перчаток и т.д.), что увеличивает нагрузку на транспортные пункты ввиду необходимости обмена документами на бумажном носителе и непосредственного контакта между людьми при осмотрах и т.д. Наконец, это ограничения в сфере обмена данными: упомянутые выше задержки и недостаток помещений для хранения возникают, отчасти, ввиду того, что государства вводят торговые ограничения в разные периоды времени, на разный срок и информация об этом не всегда становится сразу доступной всем заинтересованным участникам ВЭД [8].

Одним из эффективных решений перечис-

ленных проблем могут стать меры по упрощению процедур торговли, в частности, обеспечение прозрачности и доступности сведений обо всех формальностях для участников ВЭД, ускорение выполнения стандартных процедур в целях высвобождения времени для обязательных мер по контролю, обусловленных неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, а также максимально возможная цифровизация процессов в сфере ВЭД, которая позволит сократить непосредственные контакты между людьми. На международном уровне соответствующие меры предусмотрены положениями Пересмотренной Киотской конвенции (особенно Главой 5 «Поставки помощи» Специального приложения «J») и Соглашения об упрощении процедур торговли Всемирной торговой организации (далее — СУПТ ВТО).

Перечисленные меры действуют в следующих направлениях: уменьшение издержек, оптимизация процессов, расширение использования информационных технологий, повышение уровня взаимодействия и прозрачности. Составляющие каждого направления будут изложены подробнее ниже.

Первое направление — уменьшение издержек благодаря мерам по упрощению процедур торговли — подразумевает под собой, в частности, гибкую систему расчета взимаемых с участников ВЭД платежей, начисления на них процентов и определения вносимой суммы гарантий. Это особенно важно в условиях задержек получения участниками ВЭД промежуточных товаров, что ведет к дальнейшим задержкам в конечных поставках и осуществлении расчетов. Соответствующие положения Главы 5 Специального приложения «J» к Пересмотренной Киотской конвенции определяют правила, в соответствии с которыми к товарам поставок помощи (товары первой необходимости, в частности, средства защиты от пандемии: маски, перчатки, аппараты ИВЛ и др.) «не должны применяться никакие запреты или ограничения экономического характера при экспорте и никакие экспортные пошлины и налоги, подлежащие уплате в других случаях». При этом, такие товары освобождаются от всех сборов и очистка таких грузов вне установленных часов работы и расположения таможенных органов осуществляется в первоочередном порядке.

Направление оптимизации процессов включает в себя следующие меры. В первую очередь,

это проведение таможенной очистки за пределами стандартного рабочего времени благодаря использованию «зеленых коридоров» в круглосуточном режиме без выходных. Создание и работа таких коридоров облегчает и ускоряет перемещение продуктов питания и медикаментов. В отношении транзитных перевозок п. 5 ст. 11 СУПТ ВТО содержит рекомендацию по созданию общедоступной физически раздельной инфраструктуры (причалы, полосы и т.д.).

Институт уполномоченного экономического оператора (далее — УЭО), предусмотренный положениями п. 7 ст. 7 СУПТ ВТО, также может способствовать более эффективному перемещению грузов гуманитарной помощи. С одной стороны, предоставляемые УЭО привилегии позволят ускорить передвижение соответствующих грузов. С другой, благодаря опыту и уровню профессионализма таких операторов будут снижаться риски импортирующей страны и повышаться вероятность того, что грузы помощи будут соответствовать предъявляемым к ним требованиям.

Меры в рамках направления повышения уровня взаимодействия и прозрачности тесно взаимосвязаны: расширение и углубление сотрудничества, укрепление взаимного доверия способствуют большей прозрачности и наоборот. О важности обеспечения последней в рамках торгового регулирования в неблагоприятной обстановке распространения коронавируса высказались Министры торговли G20 в своем совместном заявлении от 30 марта 2020 г. [10] Важность поддержания открытого потока сведений в кризисной ситуации подчеркивается и в Резолюции Совета таможенного сотрудничества Всемирной таможенной организации (далее — ВТАМО), посвященной роли таможенных органов в оказании помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий [9]. Ряд обязательств стран-участниц по обеспечению прозрачности содержится в ст. ст. 1-5 СУПТ ВТО.

К сведениям, имеющим особенное значение в условиях широкого распространения коронавирусной инфекции, можно отнести информацию о текущей ситуации, предпринимаемых мерах по борьбе с пандемией, пошаговые руководства по осуществлению экспортных и импортных процедур для участников ВЭД, контакты представителей компетентных органов (номера телефонов, адреса электронной почты) для возможности прямой связи с ними

населения. Такие сведения могут быть размещены в форме статей и схем на общедоступных Интернет-порталах, включая официальные сайты государственных органов и сайты, посвященные вопросам осуществления ВЭД, в социальных сетях, а также могут транслироваться в рамках телевизионных программ. Обеспечение доступности информации повысит уровень предсказуемости и стабильности в деятельности участников ВЭД, позволит сократить их расходы на самостоятельный поиск необходимых сведений [4].

В свою очередь, укрепление сотрудничества между таможенными службами государств (ст. 12 СУПТ ВТО), а также между ними и международными организациями необходимо для координации действий по снижению рисков для жизни и здоровья населения, смягчению негативных последствий пандемии для экономики. В данном контексте особое значение имеет расширение взаимодействия в сфере управления рисками, включая обмен результатами контроля между таможенными. В упомянутой выше Резолюции Совета таможенного сотрудничества ВТамО отмечено значение партнерства с теми международными и неправительственными организациями, представителями частного сектора, которые вовлечены в урегулирование чрезвычайных гуманитарных ситуаций, и предоставления им всех необходимых сведений о процедурах и правилах, применимых к поставкам гуманитарной помощи [9].

Более того, эффективное трансграничное сотрудничество между государственным и частным сектором является одним из условий сохранения неразрывности международных цепей поставок. Это отмечается в Заявлении министров торговли и инвестиций «Группы двадцати» (G20) [3] от 30 марта 2020 г и Совместном заявлении министров семи стран (Австралии, Брунея, Канады, Чили, Мьянмы, Новой Зеландии и Сингапура) [5] от 25 марта 2020 г.

Наконец, четвертое направление — расширение использования современных технологий и цифровых платформ — призвано способствовать уменьшению количества непосредственных контактов между людьми, более оперативному и полному обмену информацией между всеми участниками цепей поставок и, соответственно, обеспечению непрерывности бизнес-процессов. Положения Главы 7 Пересмотренной Киотской конвенции предусматривают исполь-

зование информационных технологий в работе таможенных служб в случаях, когда это эффективно и экономически целесообразно [2]. Ключевую роль информационные технологии могут сыграть в осуществлении оперативной, централизованной и эффективной обработки грузов гуманитарной помощи согласно положениям Главы 5 Специального приложения «J» к Пересмотренной Киотской конвенции.

Ограничение физического взаимодействия между таможенными служащими и участниками ВЭД и, как следствие, снижение риска заражения коронавирусной инфекцией, может быть достигнуто благодаря электронному документообороту при декларировании, оплате пошлин и иных сборов, очистке и выпуске товаров, использованию механизма «единого окна» (п. 4 статьи 10 СУПТ ВТО). Создание и поддержание функционирования цифровой инфраструктуры делает возможным обмен данными в режиме реального времени и ускорит таможенную очистку. Меры, направленные на уменьшение количества непосредственных контактов между людьми, включают в себя также использование цифровых торговых документов (например, фитосанитарных сертификатов) и подписей, автоматизированную обработку деклараций в режиме 24/7 и уже введены в действие в ряде государств Европы, Северной, Центральной и Латинской Америки, Карибского бассейна, а также Азиатско-Тихоокеанского региона.

Принимая во внимание все перечисленные достоинства цифровых технологий, которые могут способствовать преодолению вызванного пандемией кризиса, необходимо учитывать проблему глобального неравенства государств, одним из проявлений которой является сохраняющийся разрыв в уровне цифровизации государств. Наиболее уязвимы для негативных последствий пандемии наименее экономически развитые государства, уровень цифровизации в которых также ниже соответствующего уровня в более развитых странах. Преодоление существующего и потенциального технологического разрыва потребует скоординированных многосторонних мер реагирования для того, чтобы предоставить большему числу стран возможность извлечь выгоды из цифровизации [4].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что возникший из-за пандемии коронавируса кризис оказал крайне негативное влияние на такие составляющие мировой эконо-

мики, как международная торговля и логистика. Минимизировать последствия этого влияния и предотвратить его дальнейшее распространение можно благодаря мерам по упрощению процедур торговли, снижая нагрузку на трансграничные цепи поставок, таможенные органы и участников ВЭД, чьи издержки значительно возросли из-за широкого распространения коронавирусной инфекции.

Пути решения вызванных пандемией проблем могут включать в себя цифровизацию процессов внешнеэкономической деятельности, перевод документов в электронный формат и создание специальной инфраструктуры для работы с ними компетентных государственных органов, повышение уровня прозрачности, развитие сотрудничества между таможенными службами, участниками ВЭД и международными организациями.

Многие государства уже взяли на себя обязательства по реализации соответствующих мер в рамках СУПТ ВТО и Пересмотренной Киотской конвенции, а также региональных соглашений (Соглашения ЮСМКА (“United States-Mexico-Canada Agreement”), Таможенного кодекса ЕАЭС,

договоров АСЕАН и др.) [1]. Данные соглашения содержат широкий спектр положений относительно упрощению процедур торговли, однако, принимая во внимание первоочередную необходимость защиты жизни и здоровья населения в период пандемии, представляется необходимым направить все усилия государств на реализацию тех из них, которые перечислены в настоящей статье.

Очевидно, что разработка и согласование мер по противодействию пандемии должна осуществляться не только на международном и региональном уровне, но и на уровне отдельных государств. Таким координационным центром могли бы стать национальные комитеты по упрощению процедур торговли.

Таким образом, эффективная реализация мер по борьбе с негативными последствиями пандемии требует скоординированных действий государств, создания и актуализации нормативно-правовой базы в области упрощения процедур торговли, дополнения и конкретизации последней документами рекомендательного характера.

Библиографический список

1. *Климова И.А.* Сравнительный анализ правового регулирования упрощения процедур торговли в рамках НАФТА, Соглашения США-Мексика-Канада и ЕАЭС // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 312–322.
2. Генеральное приложение к Пересмотренной Киотской конвенции. [Электронный ресурс] <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=74778416002805605115872569&cacheid=488A197104A832D39817B0A225309B88&mode=splus&base=LAW&n=106124&rnd=E38796960C55599ABDB7D553BD6DB8B9#032500871808029075> (дата обращения 02.11.2020)
3. G20 Trade and Investment Ministerial Statement. [Электронный ресурс] https://g20.org/en/media/Documents/G20_Trade%20&%20Investment_Ministerial_Statement_EN.pdf (дата обращения 05.11.2020)
4. How countries can leverage trade facilitation to defeat the COVID-19 pandemic. [Электронный ресурс] UNCTAD. 4/22/2020. P. 14 (дата обращения 01.11.2020)
5. Joint ministerial statement by Australia, Brunei Darussalam, Canada, Chile, the Republic of the Union of Myanmar, New Zealand and Singapore affirming commitment to ensuring supply chain connectivity amidst the COVID-19 situation. [Электронный ресурс] <https://www.international.gc.ca/gac-amc/news-nouvelles/2020-03-25-joint-ministerial-statement-declaration-ministerielle-commune.aspx?lang=eng> (дата обращения 06.11.2020)
6. *Maryla Maliszewska, Aaditya Mattoo, Dominique van der Mensbrugge.* The Potential Impact of COVID-19 on GDP and Trade: A Preliminary Assessment. World Bank Group. [Электронный ресурс] 10.04.2020. P. 7 <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33605/The-Potential-Impact-of-COVID-19-on-GDP-and-Trade-A-Preliminary-Assessment.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 08.11.2020)
7. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19) Trade facilitation and the COVID-19 pandemic. [Электронный ресурс] 22.04.2020. P. 3. https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=130_130609-v8jn83j1j3&title=Trade-facilitation-and-the-covid-19-pandemic (дата обращения 06.11.2020)

-
8. Report on the impact of the COVID-19 outbreak on international trade and logistics and the ways advanced technologies can help overcome such disruptions. Economic Commission for Europe Centre for Trade Facilitation and Electronic Business. [Электронный ресурс] ECE/AGAT/2020/INF.5. P. 4 https://www.unece.org/fileadmin/DAM/cefact/CF_COVID-19_TF-Response/Report_AGAT_-_Advanced_technologies_in_COVID19_INF5.pdf (дата обращения 09.11.2020)
 9. Resolution of the Customs Co-operation Council on the role of customs in natural disaster relief. [Электронный ресурс] http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/legal-instruments/resolutions/resolution_e.pdf?la=en (дата обращения 15.11.2020)
 10. Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. [Электронный ресурс] WTO. 08.04.2020. https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения 05.11.2020)
 11. Truck border crossing times. [Электронный ресурс] <https://covid-19.sixfold.com> (дата обращения 17.11.2020)

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº10 (148)
2020**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФС 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 30.11.2020

Format 60x84/8

Printed signatures 7.56

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

- Nikitin A.A.** Precondition for separating the control and supervision bodies' discretion as a special variety of legal discretion 59
- Orlov M.A.** Transformation of normativism: how automation influence the development of the theory of law 60
- Shobey L.G., Chernova P.A.** Messenger correspondence as evidence in civil proceedings 61
- Anurkin N.M., Loshkarev A.V.** The current state, problems and prospects for the development of the infrastructure of «smart medicine» in the digital economy 62
- Shchukina T.V.** Forms of state supervision and control in the socio-economic sphere 63

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

- Knyazeva N.V., Pavlova K.S.** Practical aspects of financial and economic examination of tariffs for servicing common property in cottage villages 64

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

- Klimova I.A.** Trade facilitation in the context of COVID-2019 pandemic 64

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATEPRECONDITION FOR SEPARATING THE CONTROL AND SUPERVISION BODIES'
DISCRETION AS A SPECIAL VARIETY OF LEGAL DISCRETION© 2020 **Nikitin Aleksandr Aleksandrovich**Candidate of law, Associate professor, Prosecutor's supervision and criminology department,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
E-mail: alexnik-82@mail.ru

The article discusses the content and specificity of control and supervisory activities, which determine the peculiarities of the legal discretion of the subjects carrying out these types of activities. It is concluded that the peculiarities of state verification activities in comparison with other types of law enforcement activities suggest the need for a separate study of the discretion of control and supervision bodies, as a special kind of legal discretion.

Keywords: verification activities, control, supervision, law enforcement discretion, type of legal discretion.

References

1. *Evsikov K.S., Spiridonov A.A. Povyshenie urovnya zashhity konstitucionnyx prav i svobod cheloveka v svete reformy gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya v Rossijskoj Federacii* [Increasing the level of protection of constitutional human rights and freedoms in the light of the reform of state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2018. № 3–2. S. 69.
2. *Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. M.: Rus. yaz., 1998.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes. M.: Rus. lang., 1998]. T. 2: I – O. 1998. S. 401.
3. *Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskix vyrazhenij / S.I. Ozhegov; Pod red. prof. L.I. Skvorczova. 27-e izd., ispr. M.: Izd-vo AST; Mir i obrazovanie, 2018.* [Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Ed. prof. L.I. Skvorczova. 27th ed., Rev. M.: AST publishing house; Peace and education, 2018]. S. 570.
4. *Kratkij tolkovyj slovar' russkogo yazyka (dlya inostrancev) / Pod red. V.V. Rozanovoj. M.: Izd-vo «Russkij yazyk», 1978.* [A Brief Explanatory Dictionary of the Russian Language (for Foreigners) / Ed. V.V. Rozanova. M.: Publishing house «Russian language», 1978]. S. 72.
5. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-x t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazyk* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of Rus. lang.; Ed. A. P. Evgenieva. 2nd ed., Rev. and add. M.: Russian language], 1981–1984. T. 2. 1982. S. 94.
6. *Belyaev V.P. Kontrol' i nadzor kak formy yuridicheskoy deyatel'nosti: Voprosy teorii i praktiki* [Control and supervision as a form of legal activity: Questions of theory and practice]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2006. S. 11–13.
7. *D'yakonov V.V. Kontrol' i nadzor v sisteme funkcij gosudarstva (teoreticheskij aspekt)* [Control and supervision in the system of state functions (theoretical aspect)]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 12.
8. *Konin N.M. Administrativnoe pravo Rossii. Obshhaya i Osobennaya chasti: kurs lekcij. M.: Yurist`, 2004* [Administrative law of Russia. General and Special parts: a course of lectures. M.: Yurist`, 2004]. S. 235.
9. *Alexin A. P., Karmoliczkij A. A. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov i fakul'tetov. M.: Zerczalo-M, 2007* [Administrative law of Russia: a textbook for law schools and faculties. M.: Zertsalo-M, 2007]. S. 404.
10. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2004. № 11. St. 945; 2019. № 15 (ch. 1). St. 1727.*
11. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2008. № 52 (chast' 1). St. 6249; 2020. № 29. St. 4504.*

12. Federal'nyj zakon ot 17 yanvarya 1992 g. (v red. ot 27 oktyabrya 2020 g.) № 2202–1 «O prokurature Rossijskoj Federacii» [Federal Law of January 17, 1992 (as amended on October 27, 2020) No. 2202–1 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation»] // Vedomosti SND RF i VS RF. 1992. № 8. St. 366; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2020. № 44. St. 6895.
13. Federal'nyj zakon ot 4 maya 2011 g. (v red. ot 31 iyulya 2020 g.) № 99-FZ «O licenzirovanii otdel'nyx vidov deyatel'nosti» [Federal Law of May 4, 2011 (as amended on July 31, 2020) No. 99-FZ «On licensing certain types of activities»] // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2011. № 19. St. 2716; 2020. № 31 (chast` 1). St. 5029.
14. Bogatova E. V. Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost` i ee effektivnost` v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela: monografiya. M.: Yurlitinform, 2018 [Control and supervision activity and its effectiveness at the stage of initiation of a criminal case: monograph. M.: Yurlitinform, 2018]. S. 9.
15. Avak'yan S. A., Barabashev G. V. Sovety` i sovershenstvovanie deyatel'nosti mestnyx kontrol'nyx organov [Soviet and improvement of local control authorities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Pravo». 1984. № 1. S. 14.
16. Sokolova O. S. Ponyatie i sodержanie municipal'nogo kontrolya [The concept and content of municipal control] // Sovremennoe pravo. 2009. № 10. S. 77.
17. Gejvandov Ya. A. Soderzhanie i osnovny'e napravleniya gosudarstvennoj nadzorno-kontrol'noj deyatel'nosti v bankovskoj sfere [Content and main directions of state supervision and control activities in the banking sector] // Yurist. 2000. № 6. S. 24.

TRANSFORMATION OF NORMATIVISM: HOW AUTOMATION INFLUENCE THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF LAW

© 2020 **Orlov Mikhail Alexandrovich**

Postgraduate student of the Department of TGiP, School of Law, Institute of Law and Management

Moscow City University, Moscow, Russia

E-mail: mix190395@yandex.ru

The processes of finding the optimal concept of legal thinking in the Russian Federation are faced with the need to adapt to new digital realities. The automation and digitalization of some social processes has already become commonplace. In connection with the development of these processes, the question arises about the relevance of existing approaches to legal thinking. The conclusion is made about the possibility of digital modernization of modern Russian normativism.

Keywords: normativism, integrative legal thinking, concepts of legal thinking, informational approach to legal thinking, automation, digitalization, machine-readable law.

References

1. Denisenko V.V., Sukhinin A. Yu. Sovetskij normativizm kak teoretiko-pravovaya paradigma [Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма] // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskij-normativizm-kak-teoretiko-pravovaya-paradigma> (date of access: 02.10.2020).
2. Ershov V. V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravoponimaniya, pravotvorchestva i pravoprimereniya [Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения] // Rossijskoe pravosudie. 2008. № 7 P. 4–15
3. Zaloilo M.V., Cherkashina-Schmidt O. V. Integrativnoe pravoponimanie: novyj podhod // [Интегративное правопонимание: новый подход] // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-pravoponimanie-novyy-podhod> (date of access: 10.07.2020).
4. Palekha R. R. Integrativnaya koncepciya pravoponimaniya kak metodologicheskaya paradigma prava [Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2010, № 1 (8). — P. 61–72

5. *Romanov A. Yu.* Problemy perevoda norm prava v mashinochitaemyj vid i avtomatizacii ih primeneniya sudom [Проблемы перевода норм права в машиночитаемый вид и автоматизации их применения судом] // *Yazyk pravotvorchestva v usloviyah cifrovizacii obshchestvennyh odnoshenij*. Sbornik nauchnyh trudov. INFRA-M. 2019. Moskva. P.218–222
6. *Sinyukov V.N.* Cifrovoe pravo i problemy etapnoi transformacii rossijskoj pravovoi sistemy [Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы] // *Lex Russica*. 2019. No. 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-i-problemy-etapnoi-transformatsii-rossii-skoi-pravovoi-sistemy> (date of access: 10.10.2020).
7. *Skorobogatov A.V., Krasnov A. V.* Integral'nyj harakter sovremennogo rossijskogo normativizma [Интегральный характер современного российского нормативизма] // *KNZh*. 2015. No. 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integralnyu-harakter-sovremennogo-rossiyskogo-normativizma> (date of access: 16.10.2020).
8. Compliance with the principles of democracy, the rule of law and human rights in the context of the epidemiological crisis COVID-19. Guide for Member States. URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992> (date of access: 31.10.2020)
9. *Khabrieva T. Ya.* Ciklicheskie normativnye massivy v prave [Циклические нормативные массивы в праве] // *ZHurnal rossijskogo prava*. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklicheskie-normativnye-massivy-v-prave> (date of access: 02.10.2020).
10. *Cherdantsev A.F.* Integrativnoe nedoponimanie prava [Интегративное недопонимание права] // *ZHurnal rossijskogo prava*. 2016. № 10 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-nedoponimanie-prava> (date of access: 10/26/2020).
11. *Chernogor N.N., Zaloilo M. V.* Metamorfozy prava i vyzovy yuridicheskoj nauke v usloviyah pandemii koronavirusa [Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса] // *ZHurnal rossijskogo prava*. 2020. № 7. P. 5–26

MESSENGER CORRESPONDENCE AS EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

© 2020 **Shobey Larisa Gennadijevna**

Senior lecturer of Finance, Financial law, Economics and Accounting
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: l_shobey@mail.ru

© 2020 **Chernova Polina Andreevna**

Student
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Member of the Youth chamber of the Advisory Council of the Department of Roskomnadzor
in the North-West Federal district
E-mail: p_a_sh@mail.ru

The article raises the problem of presenting electronic correspondence as evidence in civil proceedings. Methods for establishing the authenticity of electronic messages are suggested. The article analyzes judicial practice and describes the US experience in using electronic evidence in court proceedings. The necessity of determining the criteria for the admissibility of electronic evidence in civil proceedings is justified.

Keywords: electronic message, messenger, proof, identity identification, notarial action, forensic technical expertise, judicial practice.

References

1. Civil procedure code of the Russian Federation: Federal law No. 138-FZ of 14.11.2002// Collection of legislation of the Russian Federation. — 18.11.2002. — N 46. — article 4532.
2. On information, information technologies and information protection: Federal law of July 27, 2006 N 149-FZ// Collection of legislation of the Russian Federation. — 31.07.2006. — N 31 (1 h.). — article 3448.

3. Fundamentals of legislation of the Russian Federation on notaries: approved. RUSSIAN ARMED FORCES 11.02.1993 N 4462–1// Russian newspaper. — N 49. — 13.03.1993.
4. about application by courts of some provisions of section I of part one of the Civil code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25// Russian newspaper. — N 140. — 30.06.2015.
5. Appeal ruling of the Moscow city court of 24.09.2018 in the case N 33–42376 / 2018
6. Decision of the Eighth commercial court of appeal of 17.01.2017 N 08AP-13836/2016 in the case N A81–1879/2016
7. Resolution of the Second commercial court of appeal of 05.03.2018 N 02AP-606/2018 in the case N A29–9751/2017
8. Resolution of the Ninth commercial court of appeal of 17.01.2012 N 09AP-34143/2011-CC in the case N A40–65915/11–32–525
9. *Zakharenko V.V.* the Problem of presenting an electronic document as evidence in civil and arbitration processes [Electr. resource]/ V.V.Zakharenko// Bulletin of science and education.— Electron. art.— 2018.— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-predstavleniya-elektronnogo-dokumenta-v-kachestve-dokazatelstva-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsessah/viewer>
10. *Kulikov V.* Caught at the word [Electr.resource]/ V.Kulikov// Russian newspaper.— Electron. St.— № 193 (8247).— 30.08.2020.— URL: <https://rg.ru/2020/08/30/rossiiane-nachali-fiksirovat-u-notariusov-perepisku-v-telefone.html>
11. *Popov V.A.* Features of research of electronic documents and their application as evidence in civil and arbitration proceedings [Electr. resource] / Army and society.— Electron. art.— 2013.— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-elektronnyh-dokumentov-i-ih-primeneniyu-v-kachestve-dokazatelstv-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse/viewer>
12. Legal assessment of electronic evidence: foreign experience [Electr.resource].— URL: <http://www.s-quo.com/content/articles/337/7446/>
13. *Sedelnikova D.V.* Problems of using electronic evidence in civil and arbitration processes/ D.V.Sedelnikova [Electr. resource]/ Law and order: history, theory, and practice.— Electron. art.— N 2 (13).— 2017.— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-elektronnogo-dokazatelstva-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsessah/viewer>
14. *Hramtsovskaya N.* USA: The Sedona conference published the 2nd edition of the «Commentary on evidence in the form of electronically stored information and its admissibility» [Electr.resource]/ N.Hramtsovskaya.— URL: http://rusrim.blogspot.com/2020/10/2_30.html

THE CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INFRASTRUCTURE OF «SMART MEDICINE» IN THE DIGITAL ECONOMY

© 2020 **Anurkin N. M.**

Undergraduate student

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: anurkin-94@mail.ru

© 2020 **Loshkarev A. V.**

Associate Professor

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: 2482337@mail.ru

The article examines the main problems and prospects for the development of the infrastructure of «smart medicine» in the digital economy. The conclusion is made about the need for more active state intervention in these processes, stimulation of economic entities, development and implementation of technologies in order to create an infrastructure system (firstly, corresponding to the basis) for the development of «smart medicine» in the Russian Federation.

Keywords: smart medicine, telemedicine, electronic health records, digital medicine, OMS system.

FORMS OF STATE SUPERVISION AND CONTROL IN THE SOCIO-ECONOMIC SPHERE

© 2020 **Shchukina Tatiana Vladimirovna**

Doctor of Law, Associate Professor

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: shukina-tv@mail.ru

The subject of this article is the study of new forms of state supervision and control in the socio-economic sphere, including consideration of the modern transformation of the system of subjects of state administration. The topic of the article reflects the essence and characteristic features of changes in the forms and methods of state management, forms of state supervision and control in the socio-economic sphere from the point of view of the formation of an innovative infrastructure for strategic development in the Russian Federation. The purpose of this article is to identify a new system of subjects of public administration and to identify the dependence on this novelty of forms of state supervision and control in the socio-economic sphere at the present stage of management, the place and role of social cooperation of subjects and objects of public administration in this process. The methodology of this work was made up of comparative, formal legal, analytical methods. The results of the work are the formulation of the features of state supervision and control in the socio-economic sphere. The scope of application of the results of work includes the public administration system.

Keywords: public administration in the social and economic sphere, forms of state supervision and control, social cooperation, a new system of subjects of public administration

References

1. Koncepciya otkrytosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 30 yanvarya 2014 g. № 93-r.
2. O sisteme i strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: Ukaz Prezidenta RF ot 9 marta 2004 g. № 314 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2004. № 11. St. 945.
3. Ob ispolnitel'nyh organah gosudarstvennoj vlasti Sverdlovskoj oblasti: zakon Sverdlovskoj oblasti ot 24 dekabrya 1996 g. № 58-OZ.
4. O Pravitel'stve i inyh organah ispolnitel'noj vlasti Kirovskoj oblasti: zakon Kirovskoj oblasti ot 26 iyulya 2001 g. № 10-ZO

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

**PRACTICAL ASPECTS OF FINANCIAL AND ECONOMIC EXAMINATION
OF TARIFFS FOR SERVICING COMMON PROPERTY IN COTTAGE VILLAGES**© 2020 **Knyazeva Natalia Vladimirovna**

Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Auditor, Linguist
General Director of the Association for Professional Forensic Science, Moscow, Russia
E-mail: knyazeva@expertforensic.ru

© 2020 **Pavlova Ksenia Sergeevna**

Candidate of economic sciences, Associate professor
Samara State Economic University, Samara, Russia
E-mail: mrs.pavlova@list.ru

The article presents the selected judicial practice on the establishment and indexation of tariffs for the maintenance of public property in a cottage village. The problem of the lack of legal requirements regulating this type of activity is highlighted. According to the authors, the introduction into the legislation of the requirement for compulsory licensing of the management of a cottage village and, accordingly, the establishment of requirements for the level of qualifications of employees of the management company carrying out this activity can significantly improve the quality of services provided. Another urgent problem at present is the lack of a statutory obligation to publish reporting and other information on the activities of such a management company. The article expresses an expert opinion on the need to ensure free access to information, which will ensure transparency of control over the financial resources of real estate owners, as well as analyze the effectiveness of the management company. A model of procedural (forensic) examination of tariffs applied by the management company is presented on the basis of comparing accounting data on expenses incurred for a specific management object and estimates for the maintenance of common property of a cottage village approved by the general meeting of owners.

Keywords: legal regulation of housing and communal services, management company, housing and communal services tariffs, operating companies, public property, cottage village, simplified taxation system, accounting, separate accounting, general meeting of owners, apartment building, homeowners' association, HOA, real estate association.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

TRADE FACILITATION IN THE CONTEXT OF COVID-2019 PANDEMIC© 2020 **Klimova Irina Alexandrovna**

PhD student, Chair of International Law
MGIMO University, Moscow, Russia
E-mail: irinaklimova333@gmail.com

The article focuses on the topical issue of preventing and overcoming the negative consequences of the coronavirus pandemic through trade facilitation measures. The academic novelty of the work is due to the fact that considering recent emergence and rapid spread of the pandemic no scientific research on the stated topic has been carried out yet. The author analyses provisions of key international treaties

on the supply of humanitarian aid and trade facilitation measures, highlights the most effective of these measures in the context of protecting the life and health of the population, as well as maintaining supply chains and restoring the world economy.

Keywords: Trade Facilitation, COVID-2019 Pandemic, Humanitarian Aid, Supply Chain, World Trade, Electronic Document Management, TFA WTO, Revised Kyoto Convention.